

А. Келлер

Немцы в Москве XVI - начала XX вв.: их культурная и общественная жизнь

Московская немецкая слобода в XVI - первой половине XVII вв.

Der tapf're Russe wird ein Barbar zwar
genannt und ist kein Barbar doch, wie
dieses Buch bekennet, wie mein Herr
Wirth auch weiß und ich bezeug es, daß
in Barbarenland fast nichts barbarisch sei.

I.G. Gregori¹

Одним словом, Россия и в XVI ве-
ке следовала правилу: „хорошее от
всякого хорошо“.

Н.М. Карамзин²

Относительно благоприятные условия для возникнове-
ния Иноземных слобод в Москве сформировались к концу
XV - началу XVI вв. Во время правления великих князей
Ивана III и его сына Василия III закончилось соби-
рание русских земель под властью Москвы и образование едино-
го русского государства - России. Произошла радикальная
перемена в умах великих московских князей к сознанию
государя целого народа, государя российского. От полити-
ки удельной произошёл поворот к политике национальной,
государственной. Владения великих князей стали грани-
чить не с русскими владениями господина Великого Нов-
города, князей тверских, рязанских, ростовских, ярослав-
ских, а со шведами, немцами, литвой и татарами - людьми
другой национальности и иного вероисповедания.

Великие князья Московские приобретают статус рав-
ных другим европейским государям, в чем важную роль
сыграла женитьба Ивана III на племяннице последнего ви-

зантийского императора Софье Палеолог. При дворе появляется целый штат мастеровых, военных, врачей и аптекарей из разных государств Западной и Северной Европы. Завязываются постоянные дипломатические отношения с крупными дворами Европы, от которых прибывают посланники, например, посланник Фридриха III Николаус Коппель приезжал в Москву в 1486 и в 1489 гг. Он в свою очередь выполнил некоторые поручения от Ивана III.³ Позже приезжали Георг фон Турн от австрийского двора Максимилиана I в 1490 г. и опять же австрийский посланник Сигизмунд фон Герберштейн в 1516-17 гг. и в 1526 г. от императора Карла V, Михаэль Снупс из Инсбрука от Эрцгерцога Сигизмунда.⁴ Этот ряд можно было бы продолжить, но мы не будем останавливаться подробно на этом вопросе, так как это уже касается истории дипломатических отношений России с Западной Европой.

Благодаря активной вербовке на русскую службу в Москву приезжают мастера горного дела, оружейники, литейщики пушек, золотых и серебряных дел мастера, техники по взрыву крепостных сооружений. Герберштейн говорит о пушечных литейщиках, немцах и итальянцах.⁵ Они жили предположительно своими дворами,⁶ в противном случае приехавших на службу царя иностранцев расселяли по различным русским дворам в городе. Одновременно, по словам С.Г. Герберштейна, при Василии III была создана за чертой города на правом берегу реки Москвы, в местечке Налейка, слобода, в которой была поселена личная охрана царя, состоявшая из литовцев, поляков и немцев.⁷ Иностранные же купцы и ремесленники жили, как и прежде, в городе по дворам рассеянно, что и подтверждают косвенно описания итальянского посланника Амброджио Контарини, бывшего в Москве в 1476-77 гг. и С. Герберштейна, которые, как вновь прибывшие иностранцы, наверняка упомянули бы такое заметное явление как иностранная слобода, заселенная гражданским населением. В

то же время в Москву приезжало множество немецких и польских купцов, покупавших каждую зиму меха.⁸ Их приезд еще более увеличился после разорения новгородской ганзейской торговой конторы в 1495 г., которое сопровождалось конфискацией имущества немецких купцов и заключения их под стражу.⁹

Иноземная немецкая слобода была создана лишь в конце 50-х гг. XVI в. при Иване IV. Появление этой слободы не сопровождалось поголовным выселением в нее иностранцев, которые обжились в городе и имели нередко свои дворы, и было вызвано большим числом плененных солдат и гражданского населения Нарвы, Дерпта (Тарту) и других ливонских городов во время Ливонской войны (1558-83), которых привели в Москву. Расселение нескольких сотен человек пленных в городе не представлялось возможным, так как это вызвало бы протест не только православной церкви, но и русского населения, из-за возможных имущественных и земельных споров и конкуренции в ремеслах. Выяснение образа расселения иностранцев в Москве важно при формировании адекватного реальному положению дел представления: во время выселения иностранцев за черту города на протяжении XVI-XVII вв. не все из них должны были туда переселяться, и большое их число продолжало жить в городе. В свою очередь иностранные слободы, созданные в XVI в. в Замоскворечье, а в XVII в. на Яузе, соседствовали с другими слободами. Так, основанная при Иване IV слобода в Болвановке соседничала с армянской, татарской слободами на Балчуге и персидской слободой на Ордынке, Иноземная слобода на Яузе соседничала с Гончарной и Кузнецкой слободами, а также с амбарам на Яузе, которые сдавались пришлым купцам.¹⁰

Как уже упоминалось, во время правления Ивана IV, предположительно в 1558 году, когда пали Нарва и Дерпт, была создана слобода для пленных ливонцев, среди которых находились также французы, шотландцы и датчане,¹¹

в Замоскворечье, в Болвановке, в двух верстах от Кремля близ позднейших Серпуховских ворот.¹² Примечательно, что слово “немецкая” в названии слободы обозначает всех иностранцев. Словом “немец” или “немчин” назывался любой иностранец, так как он не умел говорить по-русски, то есть был “немым”.

Долгое время эта слобода не имела церкви и только в 1575 г. по ходатайству датского принца Магнуса, жениха племянницы царя, с царского позволения была построена лютеранская церковь.¹³ Разрешение получено было также благодаря английскому посланнику Джерому Горсею, который “своим ходатайством и посредством изпросил (..) позволение построить (..) церковь и много способствовал ее украшению, а также доставил (..) ученого проповедника”.¹⁴ Это была старейшая лютеранская церковь Москвы, которая позже стала называться церковью Св. Михаила. Однако уже через три года, зимой 1578 года, дома и церковь, стоявшие в слободе, были разрушены, а жители ее выгнаны в нижнем белье на улицу и многие из них погибли. Разорение слободы произошло, видимо, в связи с неудачами на фронте в Ливонии и нарушением верности царю Магнусом, поставленным Иваном IV во главе русских войск в Ливонии, а также предполагаемыми лазутчиками в слободе.^{*} Тот довод, что гнев царя был вызван чрезмерной спекуляцией иностранцами водкой, не может служить объяснением причины разорения слободы, так как последние занимались этим наряду с государством на протяжении более 150 лет.¹⁵ Скорее всего этот факт послужил лишь поводом для проведения акции, в которой участвовали 1000 стрельцов.

По-видимому, оставшиеся жители Замоскворецкой слободы в Болвановке так и не смогли больше оправиться от

* Интересен стереотип поведения власть имущих: как тогда, так и почти 400 лет спустя, в 1941 году, российские немцы были обвинены в шпионаже.

нанесенного удара, так как при Борисе Годунове основывается теперь уже Новая Иноземная слобода, которая находилась на реке Яузе и ручье Кокуй.¹⁶ Отметим здесь, что слободское расселение было характерным не только для иностранцев. По-соседству с иноземной слободой находились и другие ремесленные слободы, а вообще вокруг Москвы были: Басманная, Бронная, Гончарная, Иконная, Суконная, Плотничья, Пушкарская и многие другие слободы.¹⁷ Жители Немецкой слободы занимались преимущественно ремеслами и мукомольным промыслом, о чем свидетельствовали мельницы на Яузе.¹⁸

По ходатайству теперь уже врачей-лютеран в слободу была выстроена церковь, для службы в которую были приглашены Вольдемар Гуллеман из Вестфалии и студент Мартин Бериз из Нейштадта. Как мы увидим ниже, практика вызова служителей церкви из Германии или из Остзейских провинций существовала вплоть до 1-й Мировой войны. На новом месте слободу, годом раньше, чем всю Москву, опять постигло несчастье: в конце лета 1610 года она была сожжена тушинцами, приверженцами Лжедмитрия II.¹⁹

После окончания "Смутного времени" и со вступлением на престол новой династии Романовых в лице Михаила Федоровича Романова (1613-45), который благоволил иностранцам,²⁰ в русском государстве вновь воцарилось относительное спокойствие. Иностранное население города постепенно собирается и пополняется вновь прибывшими на службу. Этот процесс длился однако довольно продолжительное время и через девять лет, после воцарения в 1622 г. Михаила Федоровича, в Москве насчитывалось всего лишь 35 иностранных хозяйств.²¹ По социальному составу и профессиональной принадлежности иностранцы мало чем отличались от прежде прибывших. Определяется их юридическое положение: их делами заведуют два приказа. Иноземскому приказу были подсудны все ино-

странные военачальники, из Большого прихода всем иностранцам, находившимся на службе у царя, выдавалось месячное и годовое жалованье.²² С этого времени среди немцев столицы происходит деление на старожилов, приехавших и родившихся в городе до 1613 года и прибывших после.²³

По прошествии нескольких лет после 1613 г. лютеранская немецкая община вновь отстраивает церковь Св. Михаила, церковные книги которой сохранились с 1620 г., а их регулярное ведение началось с пастора Оссе. В 1626 г. девять вновь прибывших в Москву офицеров основали еще одну лютеранскую Новую (офицерскую) церковь (die Neue Kirche), или церковь Св. Петра и Павла, как она стала называться позже. Впрочем, вскоре иностранцы, жившие преимущественно в черных слободах, вызвали неудовольствие среди русского населения, в результате чего сотские подали в 1629 г. челобитную царю, в которой просили, чтобы часть постояльцев переселили в дворцовые Конюшенную и Бронную слободы.²⁴ К этому времени относится также упоминание немецких дворов на улицах Покровской и Фроловской, позже Мясницкой.²⁵

Две вышеупомянутые немецкие общины при церквях Св. Михаила и Св. Петра и Павла со временем значительно улучшили свое экономическое положение, что можно судить по тому, что иностранцы скупили “самые большие и лучшие площади из приходских земель” русской православной церкви.²⁶ Это, в свою очередь, повлекло за собой неудовольствие со стороны священнослужителей русской церкви и их жалобы царю на опустение их приходов и на уменьшение доходов. Это обстоятельство, а также возможная, с их слов, ересь со стороны лютеран, привели к тому, что в 1643 г. Михаил Федорович приказал снести эти церкви, а также одну реформатскую голландскую.²⁷

С таким положением вещей немцы не смирились и, по видимому, подали в свою очередь прошение о восстановле-

нии своих церквей, так как уже через несколько месяцев царь разрешил выстроить “немецкую” деревянную церковь теперь уже за чертой города, вне Земляного вала.²⁸ Такая быстрая перемена со стороны правительства в отношении к иностранцам может быть объяснена только тем, что в период с 1610 по 1652 гг., когда иностранцы жили рассеянно в городе, интересы светской и духовной властей постоянно противоречили друг другу: первая нуждалась в иностранных специалистах, вторая же, заботясь о благочестии своей паствы, старалась всячески пресечь контакты последней с “отпавшими от истинной веры” иностранцами. Это противостояние выразилось в ряде указов и мероприятий правительства, которые нашли свое выражение в сносе иноверческих церквей, запрещением иностранцам нанимать для домашней работы православных, носить русскую одежду и покупать земли внутри города, но уже живших там иностранцев, как указывает С.К. Богоявленский,²⁹ не трогали.

4 ноября 1652 г. закончился необычайный период для истории Москвы, когда иностранцы жили свободно в городе среди русского населения с 1610 года.³⁰ В этот день по приказу царя Новая Иноземная, или Немецкая, слобода была основана на старом месте, где она и находилась во времена Бориса Годунова и в годы “Смуты”, а именно: “за Покровскими воротами, за Земляным городом, подле Яузы-реки, где были ранее немецкие дворы... до Московского разорения.”³¹ В первое время после основания слободы она мало чем отличалась от других московских пригородов и имела в 1661 г. вид бедной деревни, состоящей из деревянных домов, собранных из простых балок. Дома в свою очередь были окружены огородами.³²

История Ново-Немецкой слободы в Москве с середины XVII в. по XVIII в. изложена в работе В.А. Ковригиной, опубликованной в этом сборнике.

Московское немецкое общество в XVIII и XIX веках

Мы громко восхищаемся массой вещей иностранного происхождения. Разве поэтому мы не можем считаться хорошими французами? Напротив, можно сказать, что мы стали лучшими патриотами, т.к. вместо того, чтобы закрывать глаза на свои недостатки, мы стараемся их исправить, и вместо того, чтобы хулить все чужеземное, мы стараемся перенимать все, что в нем есть хорошего.

Эрнест Ренан³³

Положение иностранцев при царе Петре I значительно меняется: они получают различные права и привилегии, принимают активное участие в его реформах. Собственно, это можно уже сказать и про последнее десятилетие XVII века. О том, как крепнут связи Петра с Немецкой слободой, М.М. Богословский писал: "В 1691 году Петр, кроме двух ближайших друзей Гордона и Лефорта, бывает еще у И. Избранта, Монса, Менезия, Книппера, ван Келлера, Тауберта и др."³⁴ Эти встречи были насыщены обстоятельными разговорами, посвященными также и вопросам о необходимости дальнейшего развития ремесел и внедрения новейших, более интенсивных технологий, а также вопросам поощрения наук и искусств, что особенно интересно для нас. Более того, знакомство Петра с западно-европейской культурой и языками началось еще в его юности, когда незадолго до своей смерти в 1676 г. Алексей Михайлович назначил в гувернеры царевичу бывшего генерал-майора польской службы Менезиуса, шотландца по происхождению и знатока большинства европейских языков.³⁵

Желание Петра реформировать государственный аппарат и создать основу для развития промышленности и предпринимательства, с одной стороны, обсуждение глав-

нейших вопросов не только с русскими вельможами, приближенными царя, которые как и прежде занимали ключевые посты, но и с выше названными иностранцами, с другой, привели к принятию различных мер и, в частности, к изданию указа от 16 апреля 1702 г. "О вызове иностранцев в Россию с обещанием им свободы вероисповедания."³⁶ В указе говорилось также о купцах и художниках,³⁷ которые „имеют быть принятыми со всякою милостию“. В результате этого указа приток немцев в Москву, однако, не увеличился. Более того, с началом строительства С.-Петербурга в 1703 г. и переездом туда царского двора в 1712 г. приток немцев в Москву на некоторое время даже уменьшился. Эти причины не могли однако полностью прекратить существование немецкого общества древней столицы, которое в основном существовало за счет естественного прироста. Приезд немцев из Германии сказывался благоприятно на его развитии и вносил свежую струю в жизнь немцев Москвы.

Как уже было сказано, пасторы в немецкие церкви приглашались из Германии. Один из них, пастор церкви Св. Михаила с 1763 по 1800 гг. Михаэль Рихтер, был важной фигурой в жизни немецкого общества второй половины XVIII века. Его живые, яркие проповеди (ранее он был профессором греческой литературы и поэзии) производили сильное впечатление на прихожан церкви, среди которых он пользовался большим авторитетом духовного пастыря. Его портрет хранился позже в пасторате при церкви. После смерти пастора Рихтера род его не пресекся: сын М. Рихтера Вильгельм стал впоследствии профессором медицины при Московском университете. В.М. Рихтер породнился с еще одной примечательной семьей московских немцев, женившись на И.А. фон Керестури, родственница которой стала первой директрисой частной трехклассной евангелической школы для бедных и сирот, основанной в 1840 г., в которой обучались девочки.³⁸

В XVIII в. преобразается образ Немецкой слободы: ее земли начинают интенсивно скупаться со стороны русских

купцов и вельмож, исчезает слободской уклад. На берегу Яузы появляются фабрики П. Белавина, Н. Иванова и др.³⁹ В результате чего в 1745 году среди 625 земельных участков 383 находились в руках русских владельцев.⁴⁰ Одновременно происходит приобретение иностранцами земель в прилежащих к слободе районах, а также и в черте города. Этот процесс привел к тому, что к концу столетия немцы жили по всему городу, а Немецкая слобода постепенно потеряла свое значение как место жительства исключительно иностранцев и немцев в том числе.

Подводя итог развитию немецкого общества Москвы в XVIII веке, можно сказать, что оно было переходным. Изменился принцип его существования: вместо изолированной Немецкой слободы XVII в. произошел постепенный переход к обществу XIX в. с его разветвленной инфраструктурой и интегрированностью в окружающие жизненные условия. Как сказали бы в XIX веке: "Немецкий элемент акклиматизировался."⁴¹

Следующий XIX в. является веком расцвета московского немецкого общества в культурном и экономическом отношениях. По мере того, как росло количество немцев в Москве, у них усиливалось и чувство принадлежности к единой вере, культуре и языку. Среди примерно 8000 немцев⁴² Москвы в начале XIX в. организовываются немецкие танцевальные, музыкальные, спортивные, просветительские и культурные общества. Многие ученые немецкого происхождения преподавали в Московском университете и участвовали в общественной жизни. Немцы играли немало важную роль также в театральной и музыкальной жизни второй столицы Российской империи.

Одно из центральных мест в жизни немецкого общества занимала церковь.⁴³ Вокруг нее концентрируется культурная и духовная жизнь общины. В ней мы встречаем яркие личности немецких пасторов, прекрасных ораторов и ценителей искусства, людей светских и военных, которые жертвовали свои средства, время и талант для церкви, шко-

лы и благотворительных учреждений. Церковь участвовала в создании школы - важнейшего воспитательного фактора вне семьи. Множество немецких школ при церквях и частные учебные заведения были во множестве и вносили существенный вклад в повышение образовательного уровня не только среди немецкого, но и среди русского населения города.⁴⁴ Одновременно была создана целая сеть благотворительных обществ со многими фондами для поддержки вдов, сирот и детей из беднейших семей, а также сиротских домов, общежитий и страховых касс по болезни. Большинство этих организаций было создано при церкви, по инициативе пасторов и церковных советов, в которых принимали участие такие видные личности, как Гейдеке, Кюстер, Эйnbrодт и Дикхоф.⁴⁵

Немецкие евангелическо-лютеранские церкви и школы при них

Обе школы, при церквях Св. Михаила и Св. Петра и Павла, были старейшими в городе.⁴⁶ Школа при церкви Св. Михаила существовала уже предположительно в XVI в., хотя первый ее регламент относится ко временам Петра I.⁴⁷ Школа при церкви Св. Петра и Павла была временно основана в 30-е гг. XVII в., после чего существовала с 1670 г. непрерывно.⁴⁸ Почти двумя столетиями позже, в 40-х гг. XIX в., была основана школа для мальчиков при реформатской церкви, которая, впрочем, скоро стала частной. На ее основе в 1876 г. было основано Фидлеровское реальное училище. В большинстве своем эти школы посещались русскими детьми. Только в начале XX в. при реформатской церкви было основано школьное общество (Schulverein) и в 1908 г. Реформатская гимназия, в которой доминировал русский язык в преподавании основных предметов.⁴⁹ В 1839 г. была основана по частной инициативе трехклассная евангелическая школа для бедных и сирот, в которой учились мальчики, а с 1840 г. и девочки. В 1907 г. в этой школе имелось 184 ученика и ученицы.⁵⁰ В 1883 г. евангеличе-

скими общинами была основана Александровская школа, которая получила свое имя в память спасения Александра II во время покушения на него.⁵¹

Выдающееся значение школ при немецких церквях станет понятным, если мы примем во внимание общее развитие системы образования в России.⁵² Только начиная с реформ 60-х гг. XIX в., в России организуется система общего образования, финансируемая со стороны государства, которая достигла значительных успехов в повышении грамотности широких масс населения.⁵³ Начиная с XVIII в., попытки государства, в особенности в области элементарного образования, останавливались на полпути. С этого времени, однако, уделяется особенное внимание развитию специального и высшего образования. Так, в 1701 г. в Москве основывается Математическая и навигационная школа. В 1703 г. была основана гимназия под директорством Эрнста Глюка.⁵⁴ Вместе с основанием Московского университета в 1755 г. при нем была основана также и университетская гимназия. Преподаватели в них были в основном из Германии или других немецкоязычных государств.⁵⁵

В начале XIX в., в 1806 г., школу для мальчиков при Новой церкви (с 1817 г. церковь Св. Петра и Павла) посещал 81 ученик,⁵⁶ из которых 32 были сиротами, учившимися за счет общины бесплатно.⁵⁷ Школа, благодаря неустанным трудам пастора Бенжамина Гейдеке (Benjamin Heidecke), процветала и пользовалась успехом также и у русского населения. Относительно количества учеников в последующие годы существуют противоречивые сведения. Так, в хронике Фехнера приведены данные учителя Клее, по которым в школе в 1807 г. было 150 учеников,⁵⁸ тогда как Герман Пак (Hermann Pack) называет 100.⁵⁹ Большинство учеников жило в пансионе при школе. В то время школа для мальчиков находилась в большом каменном здании, в котором на втором этаже жил конректор школы. Рядом находилась школа для девочек, пасторат, жилой дом

для служителей церкви, сама церковь и другие здания, снимавшиеся для нужд церкви.⁶⁰ Рядом с именем пастора Гейдеке можно смело поставить и патрона церкви графа Сиверса (Sievers), который помогал церкви и школе денежными взносами и ходатайствами. Так, в 1806 г. он написал письмо в Ригу с просьбой выделить конвенту Новой церкви 1000 рублей и в банк Воспитательного дома 200 альбертсталеров.⁶¹

На качество преподавания указывает среди прочего и то, что в ней помимо Гейдеке, ректора и конректора, работало 15 преподавателей русского, немецкого и французского языков, учителя музыки, танцев, рисования и других предметов.⁶² Кроме того, в пятиклассной школе для мальчиков преподавалась латынь. Если учесть максимальное количество в 150 учеников, то и тогда на один класс приходилось максимум 10 детей. Возраст учеников колебался от пяти до 18 лет. Статус школы и объем преподаваемых в ней знаний давали ее ученикам право поступать в Московский университет.⁶³ Например, ее выпускник Аркадий Альфонский, будущий тайный советник и ректор Московского университета, после окончания школы сразу поступил в университет. Среди воспитанников школы А. Альфонский не был исключением, более того: русские ученики составляли большинство.⁶⁴ Не только в школе, но и в немецких церквях мы находим русские имена: в 1809 г. среди посетителей церкви Св. Михаила упоминаются графини Пушкина⁶⁵ и Орлова, для которых в церкви были установлены их собственные стулья с условием делать пожертвования в пользу церкви.⁶⁶

Напротив, старейшая школа при церкви Св. Михаила находилась в менее выгодном положении, на что оказывала влияние удаленность обеих от центра города, где жило большинство немцев. Поэтому и служба в церкви проводилась только раз в две недели. Тогдашний учитель школы Клее писал, что при ней в 1811 г. имелись только два класса, в которых была также скамья для девочек. Несколько-

ми годами ранее, в 1804 г., ее посещали 50 детей. При школе учительствовал как главный учитель лишь К. Либерман (Ch. Liebermann), который одновременно был органистом при церкви и вел протоколы при ее церковном совете. Только в 1809 г. школа получила второго учителя в лице Вильгельма Антона (Wilhelm Anton).⁶⁷

Пожар Москвы, который продолжался со 2 по 9 сентября 1812 г., временно прекратил дальнейшее развитие этих школ. Церковь Св. Петра и Павла, а также школы при обеих церквях, архивы и служебные здания полностью сгорели. Добрых два десятилетия после пожара отстраивались школы и церкви. 1813 год был тяжелым для всего города. Несмотря на это, немецкие церковные общины получили в этом же году денежную поддержку со стороны городских властей. 7 декабря 1813 г. обе евангелическо-лютеранские и англиканская реформатская церкви получили от "Комитета по обеспечению тех, кто пострадал от врага" 65000 рублей.⁶⁸ Также многочисленные связи московской немецкой общины с немецкими общинами в других русских городах помогли получить пожертвования в пользу церквей. В частности, в 1814 г. для построения каменной церкви Св. Петра и Павла были проведены денежные сборы в Петербурге, Вологде, Владимире, Нижнем Новгороде, Калуге и Рязани, а также в Ревеле и Нарве.⁶⁹

После тяжелых лет восстановления стала налаживаться и школьная жизнь в немецких общинах. В 1820 г. президентом церковного совета церкви Св. Михаила был выбран тайный советник и почетный лейбврач его императорского величества доктор Юстус Лодер (Justus Loder), который принял дела общины в трудном положении. Для повышения уровня преподавания в школу при церкви Лодер, как профессор Московского университета, пригласил своих коллег профессоров И.А. Розенштрауха (I.A. Rosenstrau-uch), Ф.Ф. Рейса (F.F. Reuß) и докторов В. Трейтера (W. Treuter), Г. Флорие (G. Florie) и Б. Ауэрбаха (B. Auerbach). Ввиду недостатка денежных средств у школы в период 1849-53 гг.

многие уроки преподаватели давали бесплатно. Врач школы Август Дрейер (August Dreier) в 1847-75 гг. также пользовал бедных детей и сирот безвозмездно.⁷⁰

Высокое положение Лодера в московском обществе и при дворе и неутомимая пропаганда им школы пробудили к ней интерес в широких слоях общества. Многочисленные пожертвования, в том числе и от матери императрицы Марии Федоровны,⁷¹ позволили расширить школу и надстроить третий этаж.⁷² Сам Лодер стоял во главе административного управления школы и в случае надобности заменял преподавателей, а также делал многие денежные пожертвования лично.

В 1853 г. трехклассная школа при церкви Св. Михаила была превращена в четырехклассную. В 1861 г. она имела уже шесть классов и была преобразована в гимназию с латинским и греческим языками, что, однако, не было сохранено в дальнейшем, так как по желанию церковной общины в 1871 г. гимназия была переустроена в пятиклассное реальное училище, в котором вместо классических языков преподавались теперь французский и английский языки, а также были введены химия и физика. Это изменение надо связывать, по-видимому, с желанием церковного совета сохранить немецкий язык как основной язык преподавания. Однако, вскоре после введения всеобщей воинской повинности, по правилам которой выпускники гимназий должны были служить только полгода, форма училища вновь была изменена в близкую к гимназии. В конечном итоге в 1876 г. школа была официально признана Министерством просвещения, что повлекло за собой введение русского языка в преподавании как основного. Тем не менее, школе были оставлены некоторые автономные права, как, например, право собственной администрации и выбор директоров и учителей, правда, при утверждении последних Министерством просвещения.⁷³

После того, как 13 июля 1818 г. в присутствии короля Пруссии⁷⁴ была заложена теперь уже каменная церковь

Св. Петра и Павла, стала устраиваться и школа при ней. 31 августа 1834 г. была открыта школа для мальчиков, а в 1829 г. и для девочек.⁷⁵ И в этот период многие члены общины активно участвовали в ее жизни. Среди них можно назвать и московского купца Вильгельма Кюстера, который принимал участие в основании школы для девочек⁷⁶ и в жизни церковной общины.⁷⁷ С 1836 г. школа для мальчиков при церкви стала постепенно преобразовываться в гимназию. От общины был выбран школьный совет, в который вошли профессора Айнброт (Einbrodt), Эвениус (Evenius) и доктор Миквиц (Mickwitz), а также пастор церкви, ректор и конректор школы.⁷⁸ В 1839 году был открыт четвертый класс, который усилил ее специализацию в сторону реальной. После того, как школа при церкви Св. Петра и Павла была преобразована в гимназию, в ее учебную программу были введены также естественнонаучные предметы, а в 1848 г. добавлена гимнастика.⁷⁹ В 1860 г. был введен пятый класс с двухлетним курсом для того, чтобы сделать возможным для выпускников школы поступление в университет.⁸⁰ В последующие годы расширение гимназии, стоявшее на первом плане, с отделением реальной школы, закончилось в 1871 г., а в 1879 г. состоялось и признание статуса гимназии со стороны Министерства образования.⁸¹ Также существовало гимназiales отделение с начальной школой и для девочек, статус которого в 1881 г. был приравнен к гимназиям для девочек.⁸² В середине 1890-х гг. эту школу посещали 421 ученицы. Примерно в это же время рядом со старым зданием школы было построено новое.⁸³

К этому времени школы при немецких церквях подчинялись московскому директору школ. Школьные экзамены принимали профессора университета. Однако, как при составлении ректорами учебных планов, так и при назначении учителей, основную роль играл церковный совет.⁸⁴ Среди предметов преобладали классические. Изучение точных наук, за исключением математики, появилось позже. В школе для мальчиков латинский был факультативным языком, а в школе для девочек рукоделие и музыка. За

исключением предметов русский язык и русская история, языком преподавания был немецкий.⁸⁵

Школа была также особенно популярна среди московского купечества благодаря тому, что она давала хорошую подготовку в практических предметах, необходимых для ведения торгового дела. В 1840 г. из 140 учеников школы для мальчиков только 38 были из немецких семей. Интересно, что и в школе при церкви Св. Михаила было примерно такое же положение: из 160 мальчиков школьного возраста, которые принадлежали к ее приходу, немецкую школу посещали только 20. Здесь можно отметить две тенденции в изменении состава учеников: дети из немецких семей посылались в основном в русские школы, для лучшего изучения русского языка и лучшей интеграции в русское общество, напротив, русские родители, если они ко всему прочему хотели дать своим детям хорошее знание иностранных языков и основательное купеческое образование, предпочитали немецкие школы. Среди учеников немецких школ встречаются имена детей из таких известных купеческих семей, как Найденов, Корзинкин, Боткин, Сорокоумовский и Крестовников.⁸⁶

Несмотря на некоторые ограничения и контроль со стороны официальных властей, школы при немецких церквях успешно просуществовали вплоть до 1914 г. Расширение и улучшение системы образования в России не сказалось отрицательно на положении немецких школ. В 1910 г. школа при церкви Св. Михаила насчитывала 391 ученика, из них 164 человека было евангелического вероисповедания. Количество членов общины достигло 4088 человек, среди которых были также финны и шведы.⁸⁷ В гимназии при церкви Св. Петра и Павла училось 252 ученика, в реальном училище при гимназии 337 и в начальной школе 295 учеников, в гимназии для девочек 407 и в начальной школе при ней 131 школьница. Всего насчитывалось 1422 ученика и ученицы, что и по сегодняшним меркам представляет большое число.⁸⁸ Сама община при церкви насчитывала около 17000 человек, из которых примерно 14000 бы-

ли немцы.⁸⁹ Община при реформатской церкви насчитывала 2374 человека, а школа при ней - 333 ученика и ученицы.⁹⁰ Не было школы у недавно образовавшейся третьей евангелическо-лютеранской общины Св. Иоганна, основанной в 1907 году, прихожане которой жили в западной части столицы. Их насчитывалось в начале XX в. около 140.⁹¹ Прежде чем церковь Св. Иоганна была освящена, пастор церкви Св. Михаила Бакман (Backmann) проводил с 1888 г. для немцев, живших в западной части, службы в Александровской школе. Вплоть до начала 1-й Мировой войны школа при церкви Св. Петра и Павла могла с особенной гордостью смотреть на достигнутые результаты. Обе школы при немецких церквях смогли отстоять свое особое положение и известность, как образцовые учебные заведения. Популярность последних среди русского населения является только доказательством этого.

Московский университет и частные учителя

Какому любимому занятию могу я посвятить себя? Чем должен я заниматься? Искусством? Но для этого нужно знание немецкого и английского языка. Философию? - Но для этого нужно знать по-немецки. Историю? - опять то же.

В.Г. Белинский⁹²

Большой вклад немцы внесли в развитие общего, специального и высшего образования в России.⁹³ Так, в 1701 г. основывается Математическая и навигационная школа. В 1702 г. Николаус Швиммер и несколько позже Эрнст Глюк организуют по заданию царя Латинскую школу, которая имела уровень гимназии.⁹⁴

Примечательно, что одним из аргументов для создания Московского университета, было "великое число домашних учителей" в Москве,⁹⁵ среди которых подавляющее большинство составляли немцы.⁹⁶ Таким образом, среди

немецких ремесленников, купцов и дворянства сформировался еще и слой немецкой интеллигенции.

Важную роль в системе образования России играли частные учебные заведения и частные учителя из Западной Европы, в том числе и из Германии.⁹⁷ Они давали возможность русским детям изучить или усовершенствовать немецкий язык, знание которого играло важную роль в получении хорошего образования. В этом смысле трудно переоценить роль немецких учителей, многочисленное присутствие которых в Москве сыграло определенную роль и при создании Московского университета. Они способствовали распространению немецкого языка среди высших и средних слоев русского общества. Немецкий язык мог быть важным также и на гражданской службе, изучение которого рекомендовалось Сенатским указом от 1773 г. как официального языка в некоторых частях Российской империи, как например, в Финляндии, Лифляндии и Эстляндии.⁹⁸

В конце XVIII в. славился пансион ректора университетской гимназии Иоганна Матиаса Шадена (Johann Matthias Schaden), который с 1772 года был также профессором по практической филологии в Московском университете. Среди других в его пансионе учился четыре года Н.М. Карамзин.⁹⁹ В первой половине XIX в. встречается имя Иоганна Бернгарда Петросилиуса (Johann Bernhard Petrosilius), бывшего воспитателем юного А.С. Грибоедова. Последний имел позже другого учителя, Готлиба Джона (Gottlieb John), хорошего знатока классических языков и оставшегося до последних лет жизни другом и советчиком Александра Сергеевича. Преподавателем Н.П. Огарева после 1820 г. был Карл Зонненберг, ставший впоследствии домашним секретарем отца А.И. Герцена.¹⁰⁰ Директор немецкой школы в Москве, Вильгельм Аусфельд, преподавал в России с 1837 по 1847 гг. Его близкий знакомый, поэт Фридрих Боденштедт (Friedrich Bodenstedt, 1819–92), был одно время домашним учителем в доме московского генерал-губернатора князя Голицына. Юный Иван Тургенев сначала обучался

в пансионе И.В. Вейденхаммера (Johann Weidenhammer), а после, с 1827 г., жил и обучался в доме у учителя И.Ф. Краузе, выходца из Пруссии, который незадолго до этого перешел в православие и преподавал Тургеневу английский язык.¹⁰¹ Поэт А.А. Фет обучался в немецком пансионе в Верро, теперь Выру.¹⁰² Нельзя не вспомнить также о первом учителе немецкого языка и физики при университетской гимназии и одновременно пасторе немецкой церкви И.Ф. Лютке (Johann Philipp Lütke), внук которого адмирал граф Фридрих фон Литке стал в 1864 г. президентом Академии наук.¹⁰³ Хорошую репутацию имели частная школа Фридриха Кюстера (Johann Friedrich Küster), который был также ректором школы при евангелической церкви Св. Михаила и лектором немецкого языка в Московском университете, и интернат эльзасца Луиса Энне (Louis Enne).¹⁰⁴

Немецкие частные пансионы были вытеснены частными же немецкими школами, некоторые из которых имели статус частных гимназий. Эти школы просуществовали до 1917 г., хотя в них немецкий язык, как основной язык преподавания, был заменен русским языком в отличие от школ при немецких церквях. Среди известных частных школ можно упомянуть гимназию Креймана и реальную школу Мазинга.¹⁰⁵

При создании Московского университета и гимназии при нем в 1755 г., как впрочем, и при создании Академии наук и гимназии при ней в 1725 г. в Петербурге, почти все вакантные места в нем были заняты немецкими профессорами, причем проект и штаты университета были составлены самим М.В. Ломоносовым и утверждены президентом Академии наук графом Иваном Шуваловым. Среди известных преподавателей можно назвать профессора римского права и древностей Ф.Ф. Баузе (1752-1812), имя которого упоминается в записках И.Ф. Тимковского, учившегося в университете в 1793-96 гг.: Баузе “с охотой антиквария обратил мое внимание в обширности на *igentium practicum et applikativum*”.¹⁰⁶ Кроме Баузе, там преподавали среди дру-

гих профессор общих прав и политики М.Б. Шаден, у которого были „решены многие публичные вопросы и система долговечности“,¹⁰⁷ профессор всеобщей истории И. Виганд и И.В.Л. Мельман (1765-1795), профессор латинского и греческого языков. Последний был с „отличными способностями и с даром слова, - Цицерон в латинской словесности (...) он с приятным велеречием водил нас от одного к другому из них,¹⁰⁸ как по цветистому лугу от одного прекрасного к другому цветку“. ¹⁰⁹ В результате успешной преподавательской деятельности немецких профессоров число немецких и русских профессоров в начале XIX в. уравнивается: в 1805 г. среди девятнадцати профессоров университета десять были русскими.

Типография при университете являлась центром по изданию научной, художественной, детской и политической литературы. Ее основание относится к марту 1756 года. Многие годы она была во владении немецких предпринимателей. В 1762-76 гг. ею владел купец и придворный маклер Христиан Людвиг Вебер (Christian Ludwig Weber). В 1777 году магазин при типографии, а с 1789 г. и печатню, которой до этого руководил проводник идей французского просвещения и популяризатор науки Николай Новиков, перенял книжный переплетчик Христиан Рюдигер. Затем, с 1794 по 1800 год печатня и магазин принадлежали фирме Рюдигер и Клауди.¹¹⁰ В разные годы здесь были опубликованы среди прочего сочинения Фонвизина, Сумарокова, Хераскова, Вольтера, Лессинга, Шиллера и Бомарше.¹¹¹

Пятидесятью годами позже, в начале XIX в., в Московском университете еще преподавали многие немецкие профессора, число которых, особенно в медицине, было подавляющим и только в 30-е гг. этого века, когда сформировалась русская медицинская школа во главе с Пироговым, стали преобладать русские врачи и доктора медицины. У А.И. Герцена, который описывает годы своего учения в университете довольно критически, встречается положительный отзыв о некоторых профессорах: "...профессора составляли два стана, или слоя, мирно ненавидевшие друг

друга: один состоял исключительно из немцев, другой из не-немцев. Немцы, в числе которых были люди добрые и ученые, как Лодер, Фишер, Гильдебрандт и сам Гейм.”¹¹² Добрый отзыв Герцена о некоторых немецких профессорах подтверждается и другими. Лекции профессора истории, статистики и географии с 1784 г. Ивана Андреевича Гейма (Johann Christian Heim, 1758-1821)¹¹³ были умны и привлекательны, хотя и читал он их на неправильном русском языке.¹¹⁴ Гейм был также автором популярного учебника по географии, по которому в свое время в 1850 г. готовился к поступлению в университет известный в будущем терапевт С.П. Боткин со своим товарищем Н.А. Белоголовым.¹¹⁵ Вместе с Геймом преподавали также профессора Рейнгард и Буле, о которых Е.Ф. Тимковский вспоминал: “Между немцами я уважал более всего усердного и доброго профессора практической, или нравственной, философии Рейнгарда и Буле, профессора логики и метафизики, истории, философии и прочего.”¹¹⁶ Профессор Ф.Х. Рейнгард (Philipp Christian Reinhard), бывший ранее пастором в Ростке, “мудрец, который привлекал пламенную беседу своей, украшал прелестными очарованиями все правила нравственности ...”¹¹⁷ Григорий Иванович Фишер фон Вальдгейм (Gotthilf Fischer von Waldheim)¹¹⁸ основал в 1805 г. вместе с Вильгельмом Михаэлем Рихтером (Wilhelm Michael Richter)¹¹⁹ первое в России “Московское общество испытателей природы”.¹²⁰ Г.И. Фишер фон Вальдгейм подарил также университету редкое собрание манускриптов XV в. и медицинскую библиотеку. Кристо́в Август фон Шлецер, сын историка Августа Людвиг фон Шлецера, был с 1801 по 1820 год профессором национальной экономики и занял позже кафедру в Боннском университете.¹²¹ Также стоит упомянуть Августа Христиана Рейса (August Christian Reuß), профессора химии в 1804-32 гг., Христиана Гольдбаха (Christian Goldbach), профессора астрономии, Ивана Иде (Johann Ide), бывшего вплоть до своей смерти в 1807 г. профессором математики, и профессора ботаники Георга Франца Хофмана (Georg Franz Hoffmann), а также коллежского

ассессора де Санглена (de Senglin), Иоганна Матиаса Шаде-на (Johann Matthias Schaden) и профессора философии Иоганна Георга Шварца (Johann Georg Schwar(t)z), друга Н.И. Новикова и важной фигуры в московском масонстве.¹²² Можно было бы назвать еще десятки имен немецких профессоров, преподававших в Московском университете, на перечисление которых у В. Стиеды ушло добрых две страницы.¹²³

Об этих ученых и преподавателях имеются различные отзывы: одни говорили с сильным акцентом, другие не владели ораторским талантом, третьи вообще не владели русским языком и читали свои лекции на латинском, немецком или французском языках. И все же остается бесспорным: немецкие профессора учили студентов университета методике и логике, в которых они были непревзойденными мастерами. Преподавание некоторых предметов на иностранных или классических языках способствовало изучению студентами иностранных языков. Они получали систематическое преподавание философии, филологии, юридических и точных наук. Студент Ф.П. Лубяновский вспоминал о немецких профессорах, как о мастерах своего дела: "В жар бросало не одного только меня, когда, бывало, наши профессора - мастера на это немцы, - вызывая тени греков и римлян, с силою и властью, славословили их высокую мудрость, их несравненные, в бессмертный пример человечеству, доблести, сами приходили и нас приводили в восторг."¹²⁴ Из сказанного следует, что немецкие профессора Московского университета добились на ниве просвещения немалых успехов и внесли значительный вклад в развитие высшей системы образования в России, готовя русские национальные кадры.

Театральная и музыкальная жизнь немецкого общества

Появление именно немецкого театра в Москве объясняется доминирующим положением немцев в городе - в основном ремесленников, купцов и интеллигенции, и про-

изошло за счет их численного превосходства по сравнению с другими западноевропейскими национальностями. О немецком театре в Москве XVIII в. имеется пока только одно известие, относящееся к 1746 году. Этот единственный тогда публичный театр в городе находился на Новой Басманной улице, расположенной в районе, граничащем с территорией бывшей Немецкой слободы. За отсутствием русского театра “Немецкую комедию” посещали многие москвичи из русских. Театр был настолько популярен, что не обходилось без инцидентов с желающими попасть на спектакль без билетов.¹²⁵

Следующий период времени, о котором имеется более широкая информация об истории немецкого театра в Москве, относится к 1803-06 гг. К зимнему сезону 1803/1804 гг. сюда из Петербурга приезжает немецкая труппа барона Карла фон Штейнсберга (Karl von Steinsberg), которая давала свои представления в доме Демидова. Поэтому и театр назывался Демидовским.¹²⁶

К. Штейнсберг уехал из Петербурга, где он играл в Немецком театре, принадлежавшем антрепренеру Мире.¹²⁷ Так как Мире вел дела театра без особой прилежности, а также из-за расхождения во мнениях со Штейнсбергом по поводу занимаемых ролей и репертуара театра, последний не возобновил более контракта. Личность Штейнсберга как актера была незаурядной: будь то роли трагические, драматические или комические, все они были сыграны им с мастерством.¹²⁸ Москва приобрела в его лице прекрасного актера и хорошего театрального организатора.

Вместе со Штейнсбергом из Петербургского Немецкого театра уехала часть актеров. Характерно, что большинство из них происходило из нижних и средних слоев немецкого общества, профессиональный состав которых не имел ничего общего с работой в театре: это были в основном бывшие ремесленники и служащие. Мадмуазель Штейн была ранее булочницей, ее брат переплетчиком, Литхенс - каретным обойщиком, Короп - сидельцем из винного погреба, Петер - столярным подмастерьем, Кан - садовником,

Беренс - портным, Вильгельм Гас - писцом из конторы нотариуса, Эме - деревенским экономом, а Кистер - бывшим золотых дел подмастерьем.¹²⁹ Несмотря на то, что они не принадлежали с самого начала к цеху профессиональных актеров, свои роли они исполняли с должным профессионализмом и универсальностью, которая характерна для всех небольших трупп, основанных на принципе взаимозаменяемости.¹³⁰ Этим можно объяснить удивление современника относительно того, что сегодня можно было увидеть комедию и мелодраму, а завтра трагедию и оперу. Сыгранность труппы и богатство репертуара можно отнести на счет К. Штейнсберга, который умел "угадывать дарование в людях, привлекать их к своей цели и в то же время заставлять их любить и уважать себя".¹³¹ Кроме всего прочего, актеры, помимо исполняемых ими ролей, сами являлись декораторами, машинистами, портными и копиистами. Со стороны не был нанят для нужд театра ни один служащий.

В начале XIX в. немцев в Москве проживало приблизительно 8000.¹³² Поэтому недостатка в желающих попасть на спектакли не было. Публика, посещавшая театр, была по своему социальному составу демократической и не отличалась особенной притязательностью в оценке спектаклей, снисходительно не замечая некоторых оплошностей актеров. Более важным для зрителей было общее представление и возможность услышать родную немецкую речь в стенах немецкого же театра, где встречались давние знакомые и происходил обмен новостями. Исходя из этого, нельзя недооценивать и социальную роль театра, который в данном случае нес на себе дополнительную функцию клуба. Театральные вечера походили на семейные. Публика несла на себе черты патриархальности. Одежда женщин была простой и неброской, напитки и бутерброды приносились с собой, почти всегда в театре присутствовало много детей. Однако, были и исключения: во время постановок известных и популярных пьес в театр приезжала и великосветская публика, благо, что театр находился в маленьком двор-

це. Так, 12 января 1806 г. состоялось представление “Дон Жуана” В.А. Моцарта, так что в ложах было множество дам высшего общества, а в креслах¹³³ – ценителей музыки.¹³⁴

В течение зимы 1803/1804 гг. и в 1805 г. труппа Немецкого театра пополнилась новыми артистами, ушедшими из театра Мире ввиду неуплаты последним полагавшегося им жалованья. Среди них были такие известные актеры, как бас Ф.В. Гунниус (F.W. Hunnius) с семейством, тенор Ф. Гальтенгоф (F. Haltenhof), а также молодой С. Нейком (Sigismund von Neukomm), капельмейстер и композитор, бывший учеником у Гайдна. Благодаря этому 20 января 1805 г. на маленькой сцене Демидовского театра была представлена первая часть сложной оперы “Русалка”, в которой имелось много перемен декораций, полетов и превращений, а 21 февраля того же года последовал показ второй части.¹³⁵ С приездом вышеназванных артистов начались репетиции таких больших опер, как “Дон Жуан”, “Волшебная флейта”, “Аксур”, “Оберон”, “Похищение из сераля”.¹³⁶

Музыкальная жизнь Москвы того времени была богата событиями, чему способствовало наличие множества музыкальных салонов и организация домашних концертов. Последние устраивались, например, при участии и немецких артистов у Е.А. Муромцевой, сын которой, А. Муромцев, стал после смерти Штейнсберга антрепренером Немецкого театра. Здесь собирались лучшие музыканты Москвы и любители „немецкой ученой музыки“. Среди гостей салона бывал преподаватель генерал-баса И.В. Геслер (Johann Wilhelm Hessler), также друг Гайдна, который предложил передать свои уроки и учеников Нейкому по причине своего преклонного возраста. Однако в планы Нейкома это не входило, так как пребывание в Москве было только началом его композиторской карьеры.¹³⁷ Вскоре он уехал в Веймар, а оттуда в Вену. Окончательно Нейком осел в Париже, где он получил славу и дворянство.

Вскоре после смерти Штейнсберга в 1806 г. улетучился и успех театра, который постепенно пришел в упадок. Традиция драматических представлений среди московских немцев существовала и впоследствии вплоть до начала мировой войны в 1914 г., однако они не смогли подняться до того художественного и профессионального уровня, который был достигнут Немецким театром в начале XIX в.

Масонские ложи

В конце XVIII века, когда идеи эпохи Просвещения проникли в Россию, в Москве и Петербурге возникают многочисленные официальные и тайные клубы, общества, кружки, среди которых были и многие масонские ложи.¹³⁸ Количество последних увеличилось особенно после заграничных походов русской армии 1813-14 гг. и нахождения русского гарнизона в Париже вплоть до 1818 г. Некоторые из масонских лож состояли почти исключительно из немцев.¹³⁹ Так у Ф.Ф. Вигеля находим, что масонская ложа “Дубовая долина” состояла из одних только немцев разных сословий, которые “добросовестно, усердно занимались работами, а после трудов отдыхали с тою же важностью за кружками и бутылками”.¹⁴⁰ Или другая ложа “Астрей”, которая “была совершенная немка, ибо подводомственные ей ложи по большей части состояли из немцев”.¹⁴¹ Среди лож, подчиненных ложе “Астрей”, Вигель называет только петербургские ложи. Московская же ложа “Ищущих манны” не указана, хотя она также состояла почти исключительно из немцев и по логике должна была подчиняться ложе “Астрей”. Из 108 фамилий членов ложи “Ищущих манны” в 1817 г. только 13 фамилий являются русскими, остальные немецкого или западноевропейского происхождения.¹⁴² Эта ложа делилась в свою очередь на три части: русскую, французскую и немецкую. Члены ложи не были разделены по национальному принципу, как это может показаться с первого взгляда.¹⁴³ Среди них присутствуют не только пасторы немецких церквей Москвы, Петербурга и Томска,

купцы, учителя и ученые,¹⁴⁴ которые играли видную роль в жизни немецкого общества и лютеранской церкви, но и высокопоставленные государственные чиновники России и Пруссии, поэтому слова Вигеля о том, что членами лож были „немцы, только не нищие“, не совсем точно отражает действительное положение вещей.

Написав свои мемуары после запрета в 1822 г. всех тайных обществ, в том числе и масонских лож, Вигель не осмеливается подробно остановиться на их деятельности, помня о главном условии при вступлении в ложу – сохранении тайны. Описав с юмором некоторые порядки масонской ложи, членом которой он был, и ритуалы при его принятии, придав всему этому несерьезный характер игры взрослых, Вигель скрывает тем самым истинную картину этого социально-политического феномена. Осветить это явление подробнее здесь не представляется возможным. Тем не менее, вкратце можно резюмировать, что среди немецкой общины столицы ложи привлекали авторитетных и известных людей, которые с увлечением отдавались этому делу, как, например, Иоганн Георг Шварц (Johann Georg Schwarz). Масоны были частью дворянской оппозиции господствовавшей в России политической и социальной системы, хотя эта оппозиция и выбирала по большей части лояльные формы выражения своих политических и культурно-религиозных интересов. Экстремальные же случаи или исключения подтверждают только правило. Наиболее яркие примеры таких исключений дают нам П.И. Пестель, лютеранин, организатор и глава Южного общества декабристов и автор “Русской правды” и также член тайных обществ – В.К. Кюхельбекер. В основной же своей массе немцев в России отличала преданность царю и отечеству и совершенная индифферентность по отношению к политике.

Московский немецкий клуб

В 1819 г. в столице образуется Немецкое гражданское общество, которое было учреждено на основе бывшего Не-

мецкого танцевального общества. Еще 15 февраля 1818 г. от Мартина Шварца и других 45 иностранцев поступило прошение на имя московского генерал-губернатора Тормасова о разрешении иностранцам иметь свой Танцевальный клуб в Бутырках, в котором предполагалось иметь бильярд, устраивать балы, маскарады и музыкальные вечера. Испрашивалось также разрешение на игру в карты и продажу чая, кофе, пива, пунша и виноградных напитков.¹⁴⁵ Основной целью создания клуба являлось приятное препровождение времени и общение с друзьями и знакомыми.¹⁴⁶

После разрешения официальных формальностей клуб был открыт в Бутырках 7 февраля 1819 г. Инициатором основания клуба и его организатором был Мартин Шварц или, как стоит в прошении, “Матвей Андреев сын Шварц”. За период до августа 1819 г. среди членов общества созрела идея создания Московского немецкого клуба. 30 августа был составлен регламент “Немецкого гражданского общества”, который и был утвержден выдачей свидетельства в феврале следующего года. Этот клуб был основан по примеру Немецкого (Мещанского) Танцевального клуба в Петербурге, основанного в 1789 г.¹⁴⁷ Чертой этого общества, отличавшей его от таких узкосословных, как Благородное собрание (1783), Английский клуб (1772), Купеческий клуб (1786) и др., был определенный демократизм, что и сказалось на том, что он стал впоследствии самым крупным общественным собранием в Москве как по количеству посетителей, так и по наличному капиталу. Так, в параграфе 21 регламента 1819 г. подтверждалось, что “особа, не принятая в иное общество по предрассудку к его ремеслу и званию, может вступить в наше Общество”.¹⁴⁸

Члены клуба делились на полных членов, которые пользовались всеми правами, и на членов-посетителей, не имевших права голоса. Старшины клуба в количестве семи человек заведовали хозяйственными и организационными вопросами. Посреднические функции между старшинами и обществом выполняли репрезентанты в количестве пяти

человек, они же осуществляли контроль за действиями старшин. Правление общества, которое состояло из старшин, было подотчетно общему собранию. В особых случаях репрезентанты и старшины обращались к выборному почетному старшине. Существовавший механизм гласности позволял контролировать действия правления со стороны общего собрания. Ежемесячно в конторе клуба вывешивались выписки о приходах и расходах, а три раза в году обществу предоставлялись подробные финансовые отчеты старшин, заверяемые репрезентантами. В прочие дни члены клуба могли получить отчет, подав предварительно письменное обращение к репрезентантам. В организационной структуре клуба существовал также Комитет призрения бедных, в пользу которого поступали все штрафы с членов. Помощь оказывалась преимущественно обедневшим членам клуба, их вдовам и сиротам. Несмотря на широкие полномочия старшин и репрезентантов, решающее слово оставалось за обществом. В случае недовольства ведением финансовых дел оно могло само взять на себя эти функции с отстранением навсегда от должности старшин и репрезентантов.

Для развлечения членов клуба имелись различные увеселения, в том числе балы и маскарады. Для игры в клубе стояло несколько бильярдov. Дозволялись также и прочие игры, названные "коммерческими". Напротив, азартные игры строго воспрещались. Также имелся особый кабинет для чтения с газетами, журналами и библиотекой. По средам и субботам каждой недели устраивались обеды и ужины.

Десять лет спустя после образования, в 1830 г., клуб оказался под угрозой закрытия, так как нечем было оплатить здание, в котором он находился.¹⁴⁹ И тогда произошло событие, которое в значительной мере определило дальнейшую судьбу клуба. Для того чтобы поправить трудное финансовое положение, на общем собрании старейших членов клуба и старшин большинством голосов было принято решение, по которому в клуб допускались русские члены.

Последние наделялись всеми правами, кроме права выбирать и быть выбранными в старшины и, значит, в правление клуба. Немецкие члены клуба как основатели общества хотели оставить право выбора в старшины и в правление за собой. После принятия русских дела немецкого клуба поправились. Уже через три года, в 1833 г., почти половина членов клуба, 104 человека, были русскими, а иностранцев было 127 человек.¹⁵⁰

11 сентября 1833 г. правление потребовало от русских членов клуба внести годовой взнос такого же размера, как у постоянных членов клуба. В то же время первые, уравненные во взносах с постоянными членами, как и ранее, не могли участвовать в выборе старшин и быть выбранными в таковые.¹⁵¹ Отсутствие полного равноправия русских членов клуба с иностранными и немецкими членами стало поводом для раздора и привело в середине 1860-х гг. к образованию внутри клуба “русской” и “немецкой партий”, как они были названы в канцелярии московского генерал-губернатора.¹⁵² Русские члены при поддержке многих немецких членов требовали отмены всех ограничений своих прав, т.к. не имея права быть выбранными в число старшин, они не могли участвовать в распределении довольно значительных финансовых средств клуба, образовывавшихся из членских взносов и пожертвований. Тем не менее, в уставе клуба, принятом в 1839 г., подтверждалось, что русские члены не могут выбираться в старшины.

С этого года клуб стал называться „Московский Немецкий Бюргер-клуб“.¹⁵³ Количество его членов допускалось до 450 человек, к ним прибавлялись 250 человек годовых посетителей. Через некоторое время общество предоставило кандидатам в члены и кандидатам в годовые посетители клуба право входа и обложило их платой наравне со всеми, т.е. 18 рублей серебром, но без участия в делах клуба. Таким образом, количество посетителей клуба значительно увеличилось и на 1853 г. составило 62 тысячи человек в год. По тем временам это был крупнейший клуб Москвы, за ним следовал дворянский (до 50 тыс.чел.), за-

тем Английский (до 40 тыс.), клуб в Воксале (до 35 тыс.), и, наконец, Купеческое собрание, которое в течение зимы посетили 14 тысяч человек. Капитал немецкого клуба составил 300 тысяч рублей, какого ни один из клубов столицы не имел.¹⁵⁴

Проводником такой финансовой политики, применявшейся для улучшения экономического положения клуба, куда допускались русские члены, платившие такие же членские взносы, но не участвующие в финансовых делах клуба, был репрезентант, а с 1865 года старшина, А. Шмидт, который “хотя человек вообще и очень честный”, стоял в решительной оппозиции к русским членам. Он считал, что огромный наличный капитал клуба “хотя и приобретен исключительно от русских членов (...), должен употребляться для поддержки немецкого национального общества и составляет его неотъемлемую собственность”.¹⁵⁵ Такая позиция не могла признаваться верной не только со стороны русских, но и многих немецких членов клуба. Шмидт же среди прочего использовал средства для поддержки исключительно немецких ремесленников и давал им работу. Действия Шмидта вызвали протест и в самом правлении. Четверо из старшин клуба потребовали в 1865 году всеобщего голосования в обществе, чтобы решить: отстранить от должности Шмидта и некоторых, поддерживающих его репрезентантов, или отстраниться им самим. Дело дошло до генерал-губернатора Москвы В.А. Долгорукова, от которого оно было передано почетному старшине клуба Тимашеву-Берингу. Чем оно закончилось неизвестно, но на этом столкновения не прекратились.

С 1865 г. положение в клубе обостряется, так как урезаются права русских членов клуба. Среди принятых постановлений правления особенное негодование вызвало решение от 4 марта 1867 г., которое воспрещало вход в общественное собрание всем, кроме немцев.¹⁵⁶ Двумя годами позже, в 1869 г., конфликт еще более усилился. Столкновения в правлении доходят вплоть до лишения членства в клубе. Так, представитель интересов русских членов и по-

стоянный противник старшины А. Шмидта, гамбургский уроженец и временно-московский купец Теодор Бенке, был исключен из клуба 21 января, за свои несдержанные слова в адрес правления на его заседании. Состоя 27 лет членом клуба и восемь лет из них исправляя обязанности старшины и репрезентанта, Бенке был исключен по его словам за то, что “осмелился вступить за права русских членов”.¹⁵⁷ Он считал себя вправе требовать от правления законности в его поведении. Так, за три дня до его исключения, он вновь высказал на заседании правления клуба свое мнение. Дискуссия вылилась в конечном итоге в открытый скандал, в результате которого участник заседания Шмук предложил Бенке “умерить свой голос и не забывать, что он находится в конторе в присутствии управления, избранного обществом, а не на фабрике между рабочим народом”.¹⁵⁸

После происшедшего спора правление приняло решение исключить из клуба как Бенке, так и других членов, поддерживавших его. В поддержку действий правления, было вывешено объявление, подписанное 95 членами клуба, в числе которых насчитывалось 88 немецких и семь прочих фамилий. Ему последовало второе объявление, теперь уже в знак протеста действий правления и в поддержку русских членов. Среди подписавшихся стояли 61 немецкая, 27 русских и 5 прочих фамилий. Объявление, аналогичное последнему, было вывешено спустя несколько дней, 25 января, причем в нем из 27 русских, поставивших свою подпись в первом объявлении, осталось пять, что указывает на возможный выход русских членов из клуба. Для объявлений, вывешенных в поддержку русских членов клуба, характерно преобладание немецких фамилий.

Столкновения и дискуссии продолжались и в последующие месяцы. Русские члены, а вместе с ними и многие немцы, требовали упразднения в уставе вышеупомянутых ограничений. Дословно это выражалось так: “Управление, заключающееся в старшинах и репрезентантах немецкого и немецко-еврейского происхождения, старается всеми

средствами не допустить русских членов ни к какому участию в делах клуба и удержать за собой бесконтрольные действия.”¹⁵⁹ В этих дебатах, однако, все чаще и чаще стала преобладать аргументация с резко национальных позиций. Так, между прочим, русские члены утверждали по поводу национальной принадлежности, что “никто из иностранцев после вступления в Российское подданство не может быть в то же время ни немцем, ни другим иностранцем”, и что “не может быть в Российской империи никакой, кроме русской, национальности, из каких бы народностей она не составила”. В аргументации такого рода ставился знак равенства между государственной принадлежностью или гражданством и национальностью: кто имел русское гражданство, должен был ассимилироваться и называть себя исключительно русским. В дальнейшем поведении русскими членами утверждалось, что “управление клуба стремится укрепить в нем преобладание немецкого элемента и через это дать характер иностранного клуба, что не может быть допустимо”.¹⁶⁰ Положение еще более осложнялось тем, что ходили слухи о предполагаемых больших тратах. Русские члены были обеспокоены, что клубный капитал, достигший 420 тыс. рублей с недвижимостью, находился в руках немецкого правления. Однако, больших трат не было допущено, хотя и были пожертвованы 3000 рублей в пользу семей убитых и раненых на войне с Францией немецких солдат.¹⁶¹

Роль арбитров в этом споре взяли на себя почетный старшина клуба, полицмейстер города Тимашев-Беринг и московский генерал-губернатор граф В.А. Долгоруков. В конечном итоге спор был решен в пользу русских членов клуба принятием нового устава от 16 декабря 1870 г., по которому членами клуба могли быть лица всех сословий и национальностей.¹⁶² Количество их допускалось до 900 человек с равным числом русских и немецких членов по 450 человек.

Несправедливая политика правления клуба по отношению к русским членам привела к конфликту, который был

решен в пользу последних. Приняв решение о допущении русских членов в клуб, правление должно было считаться с ними и предоставить им полное равноправие хотя бы за их вклад в улучшение финансового положения клуба. К началу XX в. "Московское немецкое общество", которое называлось так с 1870 года, потеряло свою национальную специфику и превратилось в гражданское собрание русского общества Москвы. В одной из докладных записок чиновника особых поручений Соболева говорилось по поводу социального и национального состава клуба, что "клуб можно назвать смешанным и посещаемым по старой привычке иностранцами, более же немцами и русскими. Это клуб русских ремесленников, мелких торговцев и мелких чиновников. Правда, что в каждом из этих сословий немецкий элемент входит в известной пропорции, но элемент этот не чуждый русской жизни, он большею частью акклиматизировался".¹⁶³ Если в 1819 году по регламенту клуба членами его могли быть только немцы и иностранцы, то к январю 1870 году характер его совершенно меняется. Из 1788 действительных и недействительных членов клуба все были русскими подданными, за исключением десяти иностранцев.¹⁶⁴ К лету 1870 г. и далее соотношение постоянно меняется в пользу русских членов клуба. Из 1808 человек было: немцев и прочих 442, кандидатов в члены 417, всего 859 человек, русских 234, кандидатов в члены 715, всего 949 человек. За год, к январю 1871 г., количество членов составило 2030 человек, из которых немцы, иностранцы и прочие нерусские члены составляли 957 человек, а русские - 1073 человека.

С этого времени культурная жизнь общества еще более обогащается, устраиваются также литературные вечера с чтением русских стихов и прозы. Кроме этого, членами общества ставились немецкие и русские любительские спектакли, на сцене ставил свои первые спектакли К.С. Станиславский.¹⁶⁵

Литературная жизнь московских немцев

В русской литературной жизни нас интересуют два слоя писателей. К первому относятся русские писатели немецкого происхождения, на которых оказала определенное влияние немецкая литература. Наглядным примером этому служит лиризм Гёте. Их творения принадлежали русской литературе, так как языком, на котором они писали, был русский. Ко второй группе принадлежали немецкоязычные писатели, жившие в России. Изданная в 1995 г. в Германии библиография немецких изданий Москвы и Петербурга с 1731 по 1991 гг., хранящихся в университетской библиотеке города Мюнстера,¹⁶⁶ приводит интересные цифры. В XVIII в. в Москве и Петербурге было выпущено 2218 немецкоязычных изданий, которые стояли по сравнению с другими нерусскоязычными изданиями на первом месте. А всего с 1714 по 1991 гг. немецких книг, изданных в обеих столицах, насчитывается 47000, и это только в одной мюнстерской библиотеке, которая, правда, имеет богатейшее собрание подобных книг в Германии, а если прибавить сюда еще немецкие издания, хранящиеся в российских библиотеках, то получится число еще более впечатляющее. Только эти числа без названий самих книг говорят о насыщенной культурной и литературной жизни немцев Москвы и Петербурга в XVIII и XIX вв.

Пастор евангелическо-лютеранской церкви Венъямин Гейдеке принимал деятельное участие в литературной жизни России и был известен как издатель журнала „Russischer Merkur“. В 1804 году он напечатал статью в защиту Н.М. Карамзина против нападков на него со стороны адмирала А.С. Шишкова. Последний написал статью: „Рассуждения о старом и новом слоге российского языка“, в которой обвинял поэта в подражании иностранным образцам и в постепенном отходе от национального языка. Статья Гейдеке не была первой,¹⁶⁷ но это не умаляло ее значения, так как полемика “шишковистов” с “карамзинистами” продолжалась около 15 лет и участие в ней Гейдеке показы-

вает его тесную сопричастность к вопросам русской литературной жизни того времени. Свою позицию он выражал недвусмысленными словами и указывал на непристойные приемы оппонентов Карамзина, отмечая с укоризной, что недоброжелатели поэта “стали унижать достоинство его сочинений и подвергать сомнению самый его талант” в насмешливом тоне. Подводя черту своим рассуждениям, Гейдеке отметил, что несмотря на “литературных согладатаев (...), гений-хранитель провел Карамзина невредимо посреди мытарств цензуры”.¹⁶⁸

Среди русскоязычных немцев, внесших свою лепту в знакомство русского читателя XIX века с творчеством немецких писателей, можно назвать имена В.К. Бриммера, П. Вейнберга, А. Востокова (Остенек), Н.В. Гербеля, Э.И. Губера, А.И. Кронеберга, Ф.Б. Миллера и Л.А. Мея. В частности, эти авторы, наряду с русскими переводчиками и писателями, усиленно занимались переводами из И.В. Гёте. Н.В. Гербель первым подвел библиографический итог переводческой деятельности целого столетия, будучи редактором собрания сочинений Гёте в переводах русских писателей 1878-79 гг.¹⁶⁹

Имя Ф.Б. Миллера (1818-71) имеет для нас особый интерес. Преподавая немецкий язык в Московском кадетском корпусе, он также занимался переводческой деятельностью. Его многочисленные стихотворные переводы печатались в журналах начиная с 40-х гг. XIX в. и были собраны позже в одном издании. В эти же годы он работал передводчиком в журнале “Москвитянин”.¹⁷⁰ Его первый сын, О.Ф. Миллер (1833-89), был известным литературоведом, фольклористом, а в 1870-1887 гг. профессором Петербургского университета. Он написал, в частности, известный труд „Славянство и Европа“, литературоведческие работы об А.Н. Островском, Ф.М. Достоевском и И.А. Гончарове. Второй сын Ф.Б. Миллера, Вс.Ф. Миллер (1848-1913), также был русским фольклористом и, кроме того, языковедом и этнографом. С 1884 года он становится профессором Московского университета, а в 1897-1911 гг. занимает

должность директора Лазаревского института восточных языков.

Ко второй группе литераторов, писавших на немецком языке, принадлежали Артур Лютер, Г.О. Кнооп, Георг Бахман, Иоганнес Кордес и др. Артур Лютер (Arthur Luther) был учителем немецкой школы и одновременно председателем “Немецкого общества” и занимался в основном литературоведческой деятельностью. Он написал, в частности, ряд статей о творчестве Г.О. Кноопа и Георга Бахмана.

Г.О. Кнооп является автором ряда книг, посвященных России и немцам, живущим вне Германии, об их чувствах, которые они испытывали, когда приезжали на родину предков. В частности, в книге “Паломничество Зевальда Зокера” Кнооп повествует о разочарованиях юноши и несоответствии его грез с действительностью в “новой Германии” начала XX в., о разрушении идеалистических представлений юноши из Америки, который не находит во время своего паломничества на родину своих предков той страны, которая господствовала в его мечтах.

Кнооп прожил в Москве 20 лет и в 1910 г. снова уехал в Германию. Он поселился в Мюнхене, городе, который составляет совершеннейшую противоположность уютной матушке Москве: “Moskau, die seelenvollste aller Großstädte”.¹⁷¹ В 1911 г. в Москве его поклонниками и друзьями было отпраздновано его 50-летие, а Лютер выразил надежду, что писатель порадует публику еще одним “немецко-русским” романом.

Георг Бахман (Georg Bachmann) родился в 1852 г. в Петербурге. В зрелые годы работал в различных гимназиях Москвы учителем немецкого языка. В общественной жизни московских немцев он почти не участвовал и поэтому не был известен. Составив свой небольшой кружок из молодых русских поэтов, среди которых были Константин Бальмонт, Валерий Брюсов, Виктор Хофман и др., он находил среди них понимание и созвучные своим настроения, хотя Бахман и был немецким поэтом. Тесная духов-

ная связь и близкая дружба связывала его с датским лириком Тором Ланге, нашедшим в Москве вторую родину. Бахман и Ланге сблизились в 1903 г. на основе их “немецкой сущности”. Однако, признавая себя немецким поэтом-лириком, Бахман вращался в русских кругах, потому что находил там “больше понимания в искусстве и поэтическую чуткость”.¹⁷² Бахман печатался в различных немецких изданиях, но не увидел при жизни сборника своих стихов, который вышел в 1910 году, уже после его смерти. В сборник вошли стихотворения и переводы с английского, французского, датского и русского языков. Валерий Брюсов писал в некрологе на смерть поэта в журнале “Весы” о его отношении к Гёте: “Его душа была пандемониумом, в котором находили себе место Виктор Гюго и Бодлер, Теннисон и Оскар Уайльд, Шиллер и Демель, Пушкин и Фофанов и остальные поэты, юные и старые, а над всеми почти обожествляемый Гёте.”¹⁷³ Творчество Г. Бахмана является наглядным примером посредничества между русской и немецкой культурами, что выразилось в его переводах с обоих языков.

Заключение

Годы до начала 1-й Мировой войны характеризуются оживленной культурной и общественной жизнью не только немецкого общества,¹⁷⁴ но и всей Москвы. К этому времени немецкое общество столицы претерпело значительные изменения и представляло собой организм с хорошо развитой инфраструктурой, системой школ, церковей, благотворительных, спортивных и культурных организаций. Рассеянный принцип расселения немцев по всему городу еще раз подтверждает тезис о глубокой их интеграции в русское общество на различных культурных и социальных уровнях. В топонимике Москвы о прежнем существовании Немецкой слободы напоминали некоторые названия улиц, рынка, кладбища или домов, которые сохранили свой исторический вид, как: Немецкая улица, Старокирочный пере-

улок, Голландский (теперь Денисовский) переулок и Посланников переулок, Голландский домик, Голландская кирха в теперешнем Токмаковом переулке, дом Анны Монс напротив Немецкого рынка, Немецкое (теперь Введенское) кладбище (Deutscher Friedhof, или der Friedhof für ausländische Konfessionen), на котором среди прочих похоронены почти все комманданты Москвы, да и сам район Лефортово, носящий имя адмирала Ф.Я. Лефорта.

По переписи 1897 г. в Москве проживало 17 717 немцев, что составляло 1,71% от 1 038 591 жителей города. Немецкое общество представляло собой сложный социальный организм, в состав которого входили представители всех слоев населения. Из них наибольшее число приходилось на иностранцев (35,63%), за ними следовали мещане (33,36% или 5906 человек), затем потомственные и личные дворяне (10,5% или 1860 человек), почетные граждане (6,5% или 1164 человека), крестьяне (5,8% или 1039 человек), купцы (5,6% или 997 человек) и, наконец, церковнослужители (43 человека). 395 человек приходилось на прочих, как они отмечены в переписи.¹⁷⁵ По профессиональному составу немецкое общество подразделялось на следующие составные части: 4672 в обрабатывающих отраслях, 3724 в торговле и банках, 823 в системе обслуживания, 2655 служащих, 2621 представитель свободных профессий, 1568 пенсионеров, 373 военных, 154 в администрации, 125 в аграрном секторе, 20 в горной промышленности, 49 священнослужителей и 933, которые не принадлежат к вышеназванным группам.¹⁷⁶ Эти цифры не дают, правда, представления о социальном профиле, но указывают, тем не менее, на спектр профессиональных групп и социальное положение немцев Москвы. Среди них были не только предприниматели и купцы, учителя и ученые, но и служащие, рабочие, крестьяне и ремесленники.

После революции 1905-1906 гг. среди многих московских немцев происходит перемещение их интересов в сторону политической деятельности, к которой присоединяется и вопрос о национальной принадлежности. Политическая и

национальная поляризация русского общества привела к схожим процессам и в немецком. В 1907 г. основывается “Московское немецкое общество” (der Deutsche Verein Moskaus), которое должно было сохранять “национальное немецкое самосознание” и “беречь, защищать и умножать” немецкую культуру, которое дистанцировалось от “всякой повседневной политики” и “склок политических партий”.¹⁷⁷ Это общество, однако, существенно отличалось от прежних национальных немецких объединений. В первом отчете о его деятельности было отмечено, что гражданство его членов не имеет значения, в чем видится также скрытая конкуренция с “Обществом граждан Германской империи для помощи нуждающимся землякам” (“Verein der Angehörigen des Deutschen Reichs zur Unterstützung hilfsbedürftiger Landsleute”), которое существовало с 1879 г. и патронами которого являлись немецкий кайзер и его супруга. Здесь делается упор на открытость общества как для “немецких”, так и для “русских” немцев. Через три года, в 1910 г., в Московском немецком обществе насчитывалось 1817 членов.¹⁷⁸ В нем устраиваются среди прочего доклады на различные темы и театральные представления. Среди последних особенно удалась комедия О. Вальтера и Л. Штейна “Девушка-доктор” (“Fräulein Doktor”).

В 1912 г., по словам современника, в немецком обществе столицы господствует кипучая жизнь.¹⁷⁹ В этом же году праздновало свое 50-летие “Певческое общество”, при праздновании юбилея которого был исполнен “Балтийский гимн” (“Baltischer Heimatlied”), сочиненный балтийским поэтом Кристофом Миквитцом. В здании Благородного собрания был устроен роскошный рождественский базар “Четыре времени года”, соответственно которым были убраны различные залы. “Московское литературно-драматическое общество” поставило в свою очередь на сцене “Московского немецкого клуба”, того самого, о котором речь шла ранее, пьесу Г. Зудермана “Johannisfeuer”.¹⁸⁰ Кроме того, к услугам интересующихся жизнью немецкого общества име-

лись “Московская немецкая газета” (“Moskauer Deutsche Zeitung”), выходившая три раза в неделю с 1870 г., а также “С.-Петербургский герольд” (“St. Petersburger Herold”) и “С.-Петербургская немецкая газета” (“St. Petersburger Deutsche Zeitung”).¹⁸¹

На исходе своей истории перед 1-й Мировой войной московское немецкое общество приобретает новые черты. В нем появляется новый тип русского интеллигента немецкого происхождения, который волею судеб и своего рождения был посредником между немецкой и русской культурами, которые ему были родными. Этот новый тип русского интеллигента был одним из важных факторов в деле примирения двух „национализмов“ и примером отсутствия национальной ограниченности. В немецком обществе были выработаны механизмы совместного культурного существования немецкой и русской культур в крупной городской агломерации. С достижением определенного порога ассимиляции жизнь национального сообщества немцев стабилизировалась и имела отлаженный механизм воспроизводства своей национальной культуры в окружении такой своеобразной и богатой культуры, как русская.

Сноски и ссылки:

¹ „Храброго русского называют, правда, варваром, каковым он однако не является, что признается и в этой книге, о чем знает господин Вирт и я подтверждаю это - в варварской стране почти ничего нет варварского.“ Georg von Rauch. Pastor I.G.Gregori und Rußland. Ein vergessener Gedicht von Jahre 1667 // Archivalische Fundstücke: zu den russisch-deutschen Beziehungen, Hrsg. H.-J.Krüger, Berlin, 1973. S. 3.

² Карамзин Н.М. История государства Российского, Кн. 2, Т. 6. М., 1989. С. 136.

³ Fleischhauer Ingeborg. Die Deutschen im Zarenreich. // Zwei Jahrhunderte deutsch-russischer Kulturgemeinschaft. Stuttgart, 1991. S. 22.

⁴ Freyer Wellich-Lina. Die Deutschen in Rußland vom Ende des 15. Jahrhunderts bis zur nationalen Reaktion unter Elisabeth im 1741, Wien, 1927. S. 21.

-
- ⁵ Контарини Амброджио. Рассказ о путешествии в Москву в 1476-1477 гг. // Россия XV-XVII веков глазами иностранцев, Л., 1986. С. 21,23.
- ⁶ об иностранцах в Москве см.:
Тихомиров М.Н. Древняя Москва XII-XV вв., М., 1992. С. 113-118;
Ключевский В.О. Курс русской истории. Собрание сочинений в 9-ти томах, Т. 2, Ч. 2. С. 113, 192-193.
- ⁷ Герберштейн Сигизмунд. Записки о московских делах // Россия ... (см. номер 5). С. 132;
Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию // Россия ... (см. номер 5). С. 325;
Freuer, (см. номер 4). С. 21.
- ⁸ Контарини, (см. номер 5). С. 23.
Герберштейн, (см. номер 7). С. 71.
- ⁹ Карамзин Н.К. История государства Российского, Кн. 2, Т. 5, Гл. 6. М., 1989. С. 163-166.
- ¹⁰ Тихомиров, (см. номер 6). С. 143.
- ¹¹ Горсей Джером. Сокращенный рассказ или мемориал путешествий // Россия ... (см. номер 5). С. 171.
- ¹² Снегирев И.М. Москва: Подробное историческое и археологическое описание города. М., 1875, Т. 1. С. 120;
Бахрушин С.В. Население Москвы в XVI веке // Известия АН СССР, серия истории и философии, 4 (1947), № 3. С. 218.
- ¹³ Красножен М. Иноверцы на Руси, Т. 1, Юрьев, 1900. С. 85.
- ¹⁴ Горсей, (см. номер 11). С. 171.
- ¹⁵ Герберштейн, (см. номер 7). С. 132;
Маржерет Жак. Состояние Российской империи и великого княжества Московии // Россия ... (см. номер 5). С. 237 - Маржерет сообщает, в частности, что с продажи спиртного немцы получали до ста процентов прибыли.
- ¹⁶ Бахрушин, (см. номер 12). С. 218-219.
- ¹⁷ Тихомиров, (см. номер 6). С. 105;
Богоявленский С.К. Московская немецкая слобода // Известия АН СССР, серия истории и философии, 4 (1947), № 3. С. 220-232.
- ¹⁸ Москва. Энциклопедия. М., 1980. С. 453-454.
- ¹⁹ Бахрушин, (см. номер 12). С. 218-219.
- ²⁰ Олеарий, (см. номер 7). С. 411.
- ²¹ Fleischhauer. (см. номер 3). S. 31.

-
- 22 Олеарий, (см. номер 7). С. 395.
- 23 Amburger E. Die Anwerbung von Ärzten, Gelehrten und Lehrkräften durch die russische Regierung vom 16. bis ins 19. Jahrhundert // Ders., Beiträge zur Geschichte der deutsch-russischen kulturellen Beziehungen, Gießen, 1961. S. 9-24, hier S. 11.
- 24 Богоявленский, (см. номер 17).
- 25 Fechner A.W. Chronik der evangelischen Gemeinden in Moskau // Zum dreihundertjährigen Jubileum der evangelisch-lutherischen St.-Michaelis-Gemeinde, Bd. 1, Moskau, 1876. S. 196 (запись 1621 года).
- 26 Олеарий, (см. номер 9). С. 411.
- 27 Koch Ernst. Die Sachsenkirche in Moskau und das erste Theater in Rußland // Neues Archiv für Sächsische Geschichte und Altertumskunde, Dresden: 1911. S. 270-313;
Олеарий, (см. номер 7). С. 411.
- 28 Koch, (см. номер 29). S. 270-313;
Олеарий, (см. номер 27).
- 29 Богоявленский, (см. номер 15).
- 30 Amburger, (см. номер 23). S. 11.
- 31 Fechner, (см. номер 25). S. 279.
- 32 Freyer, (см. номер 4). S. 28.
- 33 Ренан Эрнест. Жизнь Иисуса, 19-е издание. СПб., 1906.
- 34 Идес Избрандт, Бранд Адам. Записки о русском посольстве в Китае (1692-95), М., 1967. Предисловие.
- 35 Де ла Невилль. Любопытные и новые известия о Московии // Россия ., (см. номер 5). С. 473-529, здесь С. 476-477.
- 36 Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ), 1-ое собрание, Т. 4, СПб., 1830. С. 192-195: Манифест о вызове иностранцев от 16 апреля 1702 года.
- 37 Amburger E. Künstlerfamilien ausländischer Herkunft in Rußland. Ein Beitrag zur Wanderungsforschung // Fremde und Einheimische im Wirtschafts- und Kulturleben des neuzeitlichen Rußland, hrsg. v. K. Zernack (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa Bd. XII), Wiesbaden, 1982. S. 116-132.
- 38 Fechner, (см. номер 25), Bd. 2. S. 39.
- 39 Москва. Энциклопедия. М.: 1980. С. 454.
- 40 Amburger E. Die weiteren Schicksale der alten Einwohnerschaft der Moskauer Ausländer-Sloboda seit der Zeit Peters I. // Ders., Fremde und Einheimische im

-
- Wirtschafts- und Kulturleben des neuzeitlichen Rußland. Ausgewählte Aufsätze, hrsg. v. K. Zernack. Wiesbaden: 1982. S. 275-289, hier S. 285;
более раннее издание: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, N.F. 20 (1972). S. 412-426.
- ⁴¹ Записка чиновника особых поручений Соболева, без даты // ЦГИАМ, фонд 16, опись 25, дело 100.
- ⁴² Fechner, (см. номер 25), Bd. 2. S. 46.
- ⁴³ Amburger E. Geschichte des Protestantismus in Rußland. Stuttgart: 1961;
Kahle Wilhelm. Aufsätze zur Entwicklung der evangelischen Gemeinden in Rußland. Leiden/Köln, 1962;
Stricker Gerd. Das kirchliche Leben der Deutschen in Rußland und in der Sowjetunion // Tausend Jahre Nachbarschaft. Rußland und die Deutschen, hrsg. v. Manfred Hellmann und Alfred Eisfeld. München, 1988. S. 144-162.
- ⁴⁴ Pack Hermann. Die deutschen Schulen in Moskau // Aus deutscher Bildungsarbeit im Auslande. Erlebnisse und Erfahrungen in Selbstzeugnissen aus aller Welt. Bd. 1: Europa, hrsg. v. Franz Schmidt u. Otto Boelitz. Langensalza, 1927. S. 303-329, hier S. 305 f.;
общий обзор: Stricker Gerd. Deutschsprachige Bildungseinrichtungen im Russischen Reich und in der Sowjetunion // Tausend Jahre Nachbarschaft. S. 162-175.
- ⁴⁵ Pack Hermann. Die Petri-Pauli-Knabenschule zu Moskau im 19. Jahrhundert // Bericht über die Petri-Pauli-Kirchenschulen zu Moskau für das Jahr 1900, M., 1901. S. 7-43, hier S. 10.
- ⁴⁶ Цветаев Д.В. Первые немецкие школы в Москве и основание придворного театра. Варшава, 1889.
- ⁴⁷ Примечание: к истории школы при церкви Св. Михаила относится также факт основания евангелическо-лютеранской школы в Москве в 1600 году Мартином Бером (Martin Beer), который был приглашен самим Борисом Годуновым, первым „западником“ на русском троне - Amburger E. Der deutsche Lehrer in Rußland // Ders., Beiträge zur Geschichte ..., (см. номер 23). S. 159-182.
- ⁴⁸ Die evangelisch-lutherischen Gemeinden in Rußland. Eine historisch-statistische Darstellung. Bd. 1, Teil 2, St. Petersburg, 1909. S. 7.
- ⁴⁹ Amburger E. Die deutschen Schulen in Rußland mit besonderer Berücksichtigung St. Petersburgs // Deutscher Einfluß auf Bildung und Wissenschaft im östlichen Europa, hrsg. v. Friedhelm Berthold Kaiser u. Bernhard Stasiewski. Köln/Wien, 1984. S. 1-26, hier S. 11.
- ⁵⁰ Amburger, (см. номер 49). S. 10-11;
Pack, (см. номер 44). S. 307 f.;

- Die evangelisch-lutherischen Gemeinden ... // (см. номер 48). S. 12 f.;
В организации школы принимал участие среди прочих пекарь и будущий директор школы И. фон Шредер.
- 51 Amburger, (см. номер 49), S. 10 f;
Согласно Pack'у (см. номер 44). С. 306, присвоение школе имени царя произошло по поводу юбилея правления Александра II в 1880 году.
- 52 Alston Patrick. Education and the State in Tsarist Russia. Stanford, 1969;
Hans Nicolas. History of Russian Educational Policy. London, 1931;
Пекарский П.П. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862.
- 53 для сравнения: Schramm Gottfried. Lehren und Lernen // Handbuch der Geschichte Rußlands, hrsg. // Schramm. Bd. 3, 2, Stuttgart, 1992. S. 1578-1612;
К вопросу образования девочек в России незадолго до революции 1917 года: Scheide Carmen Frauenbildung. Gesellschaftlicher Aufbruch und Mängel staatlicher Politik // Aufbruch der Gesellschaft im verordneten Staat, hrsg. v. Heiko Haumann u. Stefan Plaggenborg. Frankfurt a.M., 1994. S. 296-317.
- 54 Amburger. // Der deutsche Lehrer .., (см. номер 47). S. 173.;
О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII века, 1701-1715. Документы московских архивов, изд. С.А.Белокуров и А.Н.Зерцалов. М., 1907;
Пекарский, (см. номер 52). С. 127.
- 55 Amburger. Der deutsche Lehrer ... // (см. номер 47). S. 175 f.
- 56 Amburger, (см. номер 49), S. 10.
- 57 Fechner, (см. номер 25), Bd. 2. S. 48.
- 58 Fechner, (см. номер 25), Bd. 2. S. 51.
- 59 Pack, (см. номер 45). S. 5.
- 60 Busch E.H. Materialien zur Geschichte und Statistik des Kirchen- und Schulwesens der Ev.-Luth. Gemeinden in Rußland. SPb., 1862. S. 218 f.;
Fechner, (см. номер 25), Bd. 2. S. 51.
- 61 Fechner, (см. номер 25), Bd. 2. S. 48.
- 62 Pack, (см. номер 45). S. 10.
- 63 Pack, (см. номер 45). S. 10;
Pack, (см. номер 44). S. 312.
- 64 Pack, (см. номер 45). S. 9.
- 65 Возможно, это была жена дяди А.С.Пушкина Василия Львовича Пушкина, дом которого находился недалеко от Немецкой слободы, по современному адресу: улица Карла Маркса, 36.

-
- ⁶⁶ Fechner, (см. номер 25), Bd. 2. S. 57.
- ⁶⁷ Fechner, (см. номер 25), Bd. 2. S. 59 f., 413.
- ⁶⁸ Fechner, (см. номер 25), Bd. 2. S. 76 f.
- ⁶⁹ Pack, (см. номер 45). S. 19.
- ⁷⁰ Fechner, (см. номер 25), Bd. 2. S. 428 f.
- ⁷¹ Fechner, (см. номер 25), Bd. 2. S. 418.
В 1821 году школе были дарованы 800 рублей из наследства сардинского посланника графа Беньяско. Среди прочего в 1822 году был организован сбор пожертвований, среди 38 участников которого 34 были представителями высшего дворянства (1910 рублей). Ректор Московского университета Антонский подарил школе множество книг, а куратор московского учебного округа князь А. Оболенский - токарный станок.
- ⁷² Fechner, (см. номер 25), Bd. 2. S. 418.
Во время запрета всех масонских лож в 1822 году была закрыта и немецкая ложа „Alexander zum dreifachen Segen“, главным мастером которой был Лодер.
- ⁷³ Pack, (см. номер 44). S. 309 f. - С 1811 года существовала только школа для мальчиков.
- ⁷⁴ Fechner, (см. номер 25). S. 354 f. - Король пожертвовал 3000 рублей на восстановление церкви.
- ⁷⁵ Amburger, (см. номер 49). S. 10.
- ⁷⁶ В. Кюстер был также в годы с 1830 по 1850 членом школьного совета евангелической школы для бедных и сирот. Кроме всего прочего он активно помогал жертвам холеры в Москве в 1830 году, в 1833 году стал почетным гражданином города, а в 1843 коммерции советником. Большой любитель садово-паркового искусства, он разбил вокруг своего дома прекрасный сад с розами и георгинами, на который приходили любоваться жители города. Кюстер был также поставщиком саженцев для посадки Александровского парка вокруг кремлевских стен.
- ⁷⁷ Busch, (см. номер 60). S. 213;
Fechner, (см. номер 25), Bd. 2. S. 354 f.
- ⁷⁸ Pack, (см. номер 45). S. 17.
- ⁷⁹ Pack, (см. номер 44). S. 314.
- ⁸⁰ Die evangelisch-lutherischen Gemeinden ... // (см. номер 48). S. 8.
- ⁸¹ Amburger, (см. номер 49). S. 10;
Pack, (см. номер 45). S. 27 ff.

-
- 82 Amburger, (см. номер 49). S. 10.
- 83 Pack, (см. номер 44). S. 313.
- 84 Pack, (см. номер 44). S. 313.
Amburger E. Die Lehrer der deutschen evangelischen Kirchenschulen in St.Petersburg und Moskau // Ostdeutsche Familienkunde 12 (1964). S. 298-301.
- 85 Pack, (см. номер 44). S. 313.
- 86 Pack, (см. номер 45). S. 19.
- 87 Die evangelisch-lutherischen Gemeinden ... // (см. номер 48). S. 5.
- 88 Kordes Johannes. Moskauer Brief // Deutsche Monatsschrift für Rußland 1 (1912). S. 227-236, 350-356, hier S. 236.
- 89 Die evangelisch-lutherischen Gemeinden ... // (см. номер 48). S. 8. - Из других национальностей в ней было 2000 латышей, 600 эстонцев и 150 финнов и шведов.
- 90 Kordes, (см. номер 88). S. 355.
- 91 Die evangelisch-lutherischen Gemeinden ... // (см. номер 48). S. 11.
- 92 Жирмунский В.М. Гёте в русской литературе. Ленинград: 1982. С. 341.
- 93 Пекарский П.П. Наука и литература при Петре Великом, том 1. СПб., 1870;
Пекарский П.П. История императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870.
- 94 Amburger, (см. номер 84). S. 173 f.;
Пекарский, (см. номер 52). С. 127-130.
- 95 Московский университет в воспоминаниях современников (1755-1917). М., 1989, С. 9.
- 96 Amburger, (см. номер 23). S. 36-37, 40-41;
Amburger, (см. номер 84). S. 159-182;
См. номер 95.
- 97 Amburger, (см. номер 84). S. 163 ff.
- 98 Amburger, (см. номер 84). S. 167.
- 99 Harder Hans-Bernd. Nikolai Karamsin und die philosophisch-literarischen Kreise in Königsberg, Berlin, Weimar und Zürich // Beförderer der Aufklärung in Mittel- und Osteuropa. Freimaurer, Gesellschaften, Clubs, hrsg. v. Éva Balász, Ludwig Hammermayer u.a. Berlin, 1979. S. 304-319, hier S. 305;
Шаден происходил из Прессбурга (Preßburg) и был соответственно австрийским подданным.
- 100 Amburger, (см. номер 84). S. 166.

-
- 101 Amburger, (см. номер 84). S. 172.
- 102 Московский университет .., (см. номер 95). С. 636.
- 103 Amburger, (см. номер 84). S. 175.
- 104 Amburger, (см. номер 84). S. 172.
Fechner, (см. номер 25), Bd. 2. S. 413 ff.
- 105 Amburger, (см. номер 84). S. 172 f.
- 106 „... на практический дух и все, что выше сего“, - Тимковский Е.Ф.
Записки // (см. номер 95). С. 18.
- 107 Тимковский, (см. номер 106). С. 13.
- 108 Лукреций, Гораций, Вергилий, Цицерон, Тацит.
- 109 Лубяновский Ф.П. Воспоминания // (см. номер 95). С. 46.
- 110 Amburger E. Buchdruck, Buchhandel und Verlage im 18. Jahrhundert, in:
Fremde und Einheimische im Wirtschafts- und Kulturleben des neuzeitlichen
Rußland, hrsg. v. K. Zernack. Wiesbaden 1982, S. 139.
- 111 Московский университет .., (см. номер 95). С. 11.
- 112 Герцен А.И. Московский университет. // (см. номер 95). С. 121.
- 113 Жихарев С.П. Дневник студента 1805 года // (см. номер 95). С. 55;
Amburger, (см. номер 84). S. 165;
Гейм был сначала домашним учителем, позже лектором, а с 1808
по 1818 г. ректором университета.
- 114 Тимковский Е.Ф. Московский университет в 1805-10 гг. // (см. но-
мер 95). С. 61.
- 115 Белоголовый Н.А. Из моих воспоминаний о С.П. Боткине // (см.
номер 95). С. 305.
- 116 Тимковский, (см. номер 106). С. 61.
- 117 См. номер 116.
- 118 Московский университет .., (см. номер 89), Предисловие, с. 11;
Amburger E. Aus der Geschichte der wissenschaftlichen Beziehungen zwischen
Berlin und Rußland // Ders., Beiträge .., (см. номер 23). S. 107-158, hier S. 148.
- 119 Amburger, (см. номер 23). S. 36;
В.М. Рихтер, который происходил из семьи пастора, был автором
первой трехтомной Истории медицины в России. М. 1813-1817 гг.;
До 1800 года по расчетам Брюкнера в России насчитывалось 500
врачей, из которых около 55 процентов были немцами из Герма-
нии, Прибалтики или родившимися в России, см.: Brückner A. Die
Ärzte in Rußland // Russische Revue 27 (1887). S. 131-71, 261-300.

-
- 120 Г.И. Фишер фон Вальдгейм был профессором зоологии с 1804 по 1835.
- 121 Stieda Wilhelm. Deutsche Gelehrte als Professoren an der Universität Moskau, in: Abhandlungen der philosophisch-historischen Klasse der sächsischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 40, Leipzig, 1930. S. 24-27, 36, 83, 86.
- 122 Von Rauch Georg. Johann Georg Schwarz und die Freimauerei in Moskau // Beförderer ... (см. номер 99). S. 214.
- 123 Stieda, (см. номер 102). S. 3-4.
- 124 Лубяновский, (см. номер 109). С. 47.
- 125 Старикова Л. Лосенко и русские актеры // Художник 7, М., 1988. С. 46.
- 126 Макаров. Материалы для истории русского театра. Московские театры в 1805 году // Репертуар русского театра, Т. 1, Москва, 1841, часть 9. С. 9;
Дом Демидова. План дома // Архив центральной проектно-реставрационной мастерской Академии архитектуры СССР, фонд 1-127-3. „Здание было построено для бригадира в отставке И.И. Демидова. В восточной части первого этажа находилось нежилое помещение, в котором находился театр.“;
В доме И.И. Демидова находится теперь Московский институт инженеров геодезии, аэрофлота и картографии по адресу: Городской переулок 4. Недалеко от него отстоит бывшая городская усадьба Н.А. Демидова, в которой находится теперь Московский областной педагогический институт им. Н.К. Крупской по адресу ул. Радио 10а (бывшая Вознесенская улица), что навело меня на сомнения: в каком же доме находился Немецкий театр? Я склонился к первому варианту, так как дом И.И. Демидова упоминается в энциклопедии Москва за 1980 год на странице 236 как „Демидова дом“. Также сыграл свою роль план дома И.И. Демидова начала XIX века, где указано помещение, в котором находился театр (см. выше).
- 127 Жихарев С.П. Записки. Дневник чиновника, Т. 2. С. 311.
- 128 Жихарев, (см. номер 127). С. 309.
- 129 Жихарев С.П. Записки. Дневник студента, Т. 1, с. 39.
- 130 Жихарев, (см. номер 129). С. 38.
- 131 Жихарев, (см. номер 129). С. 39.
- 132 Fechner, (см. номер 25), Bd. 2, S. 46.
- 133 Несколько первых рядов в партере.

-
- 134 Жихарев, (см. номер 129). С. 187-188.
- 135 Жихарев, (см. номер 129). С. 38, 52.
- 136 Жихарев, (см. номер 129). С. 52.
- 137 В память Штейнсберга, который умер между 11 и 15 января 1806 года, Нейком сочинил реквием, который и был исполнен.
- 138 Hammermayer Ludwig, Wagner Hans. // *Beförderer ...*, (см. номер 99); Барсков Я.Л. Переписка московских масонов XVIII в. 1780-1792. Петроград, 1915; Пекарский П.П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб., 1869.
- 139 Немецкие масоны в России // *Русская старина*, Т. 36-36 (1882).
- 140 Вигель Ф.Ф. Записки, Ч. 5. М., 1892. С. 55-56.
- 141 Вигель, (см номер 140);
ложы „Дубовая долина“ стояла под управлением „Провинциальной“, которой подчинялся ряд других лож. Ложы „Астрея“ подчинялись ложы „Петра к истине“, „Михаила избранного“ и „Трех добродетелей“.
- 142 Центральный государственный военно-исторический архив.
- 143 Среди членов ложы нам особенно интересны фигуры, которые наиболее рельефно изображают ее социальный состав и показывают географические рамки ее формального влияния: почетный член ложы, доктор теологии и пастор церкви Св. Петра в Петербурге Фридрих Фольборт, аптекарь, церемониймейстер русской части ложы Бенжамин Ауэрбах, химик, второй смотритель французской части Йозеф Бауер, купец, мастер сокровищ русской части Николаус Бекер, супер-интендант в Одессе и отставной член ложы Август Бетингер, вице-губернатор города Владимира Дмитрий Бибилов, прусский государственный секретарь Фердинанд Борк, пастор в Омске Роберт Вальтер, государственный советник Николай Голицын, надворный советник Фридрих (он же Федор) Адамович Корш, доктор юридических наук, учитель немецкой школы И.Д. Кюстер, государственный советник и дворянин, первый смотритель французской части Кристиан Лодер, общий великий мастер, тайный советник граф Мусин-Пушкин, главный мастер ложы надворный советник Карл Сиверс, второй большой староста, генерал-лейтенант и государственный советник Пруссии Фридрих фон Шрелер и мн. др.
- 144 Одним из видных представителей московского масонства был упомянутый уже И.Г. Шварц, (см. номер 122). С. 212-224.

-
- 145 Попов И.Г. Введение в историю Московского немецкого клуба. М., 1909, С. 9-10.
- 146 Брокгауз и Ефрон. Энциклопедия, т. 29, статья под заголовком „Клубы“. СПб., 1895, С. 426.
- 147 Попов, (см. номер 145). С. 17.
- 148 См. номер 145.
- 149 С 15.10.1825 по 1865 гг. клуб находился в каменном здании Российского благородного собрания.
- 150 Попов, (см. номер 145). С. 19-20.
- 151 Попов, (см. номер 145). С. 17-18.
- 152 Докладная записка П.А. Шувалова от марта 1871 года. // Центральный государственный исторический архив города Москвы (ЦГИАМ), фонд 16, опись 25, дело 100.
- 153 Попов, (см. номер 145). С. 17-18.
- 154 Дружинин Н.М. Избранные труды. Москва в годы Крымской войны. М., 1988. С. 146.
- 155 ЦГИАМ, ф. 16, оп. 25, д. 100.
- 156 Обязательство старшин и репрезентантов немецкого клуба от 13 марта 1869 // (см. номер 155).
- 157 Прощение гамбургского уроженца временно-московского купца Теодора Бенке московскому генерал-губернатору князю В.А. Долгорукому от 8 февраля 1869 г. // (см. номер 155).
- 158 Протокол заседания правления клуба от 18 января 1869 г. // (см. номер 155).
- 159 Прощение русских членов В.А. Долгорукому от 9 января 1870 года // (см. номер 155).
- 160 См. номер 159.
- 161 См. номер 159.
- 162 Устав клуба от 16 декабря 1870 года // (см. номер 155).
- 163 Записка чиновника особых поручений Соболева, без даты // (см. номер 155).
- 164 См. номер 163.
- 165 Станиславский К.С. Из записных книжек, Т. 1. М., 1986. С. 106.
- 166 Gottfried Kratz, Deutschsprachige Drucke Moskauer und Petersburger Verlage 1731-1991. Aus den Beständen der Universitäts- und Landesbibliothek

-
- Münster. Lüneburg, 1995 (Schriften der Universitäts- und Landesbibliothek Münster, Bd. 12) // Osteuropa 3 (1996). S. 300 f.
- 167 Макаров П. Статья в „Московском Меркурии“ 12 (1803). С. 155-198;
Северный вестник, кн. 8 (1804), изд. И.И. Мартынов.
- 168 Fechner, (см. номер 25), Bd. 1, S. 201 f.
- 169 Жирмунский, (см. номер 92). С. 25.
- 170 Жирмунский, (см. номер 92). С. 358.
- 171 Luther Arthur. Gerhard Ouckama Knoop // Deutsche Monatsschrift für Rußland, Nr. 1, hrsg. v. A. Eggers, S. 45-52.
- 172 Luther Arthur. Georg Bachmann // Deutsche Monatsschrift ..., (см. номер 171). S. 340-350.
- 173 См. номер 88.
- 174 Kordes, (см. номер 88). S. 354-356
- 175 Die Nationalitäten des Russischen Reiches in der Volkszählung von 1897, hrsg. v. Henning Bauer, A.Kappeler u. B.Roth. Bd. B, Stuttgart: 1991, S. 481, 500.
- 176 См. номер 175, S. 433.
- 177 Bericht des Vorstandes über das erste Geschäftsjahr des Moskauer Deutschen Vereins 1907. M., 1908, S. 3, 36.
- 178 Kordes, (см. номер 88). S. 355.
- 179 См. номер 178.
- 180 См. номер 178.
- 181 Grossmann P., Knobel J. Führer durch Moskau und Umgebungen. Moskau, 1882. S. 71.